

ПОЭТЫ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЧТЕНИЙ

«ОНИ УШЛИ. ОНИ ОСТАЛИСЬ»

Владимир ПОЛЕТАЕВ

ПРОЗРАЧНЫЙ ЦИФЕРБЛАТ

**Москва
ЛитГОСТ
2019**

УДК 821.161.1
ББК 84
П49

П49 **Полетаев Владимир**

Прозрачный циферблат: стихотворения, переводы, эссе, письма / Сост. Б. Кутенков, Н. Милешкин, Е. Семёнова. — М.: ЛитГОСТ, 2019. — 150 с. — (Поэты литературных чтений «Они ушли. Они остались»).

ISBN 978-5-6041920-2-3

В книгу вошли избранные стихотворения, переводы, статьи московского поэта Владимира Полетаева (1951 — 1970), рано ушедшего из жизни, но оставившего значительное литературное наследие. Сборник также включает биографическую статью отца поэта Григория Гершензона «Поэзия в его жизни» и школьную переписку Владимира Полетаева с Аллой Каюмовой.

ISBN 978-5-6041920-2-3

© Полетаев В., наследники, 2019
© Кутенков Б., составление, 2019
© Милешкин Н., составление, 2019
© Семёнова Е., составление, 2019
© ЛитГОСТ, макет, 2019

ЗАВОРОЖЁННЫЙ ЗНАНЬЕМ

*Не приходите! Что вам до меня?
Цветы Голгофы, я вам не родня,
Цветы Голгофы, красные причастья,
Кровавящие детские запястья.
Не приходите! Я умру легко —
Уткнусь кутёнком Господу в ладони...
Горячий хлеб вздыхает глубоко,
Молочница приносит молоко
Холодное, в серебряном бидоне,
А девочка на голубом балконе
Считает звёзды: три, четыре, пять...
Не приходите! Разве вам угнаться!
Семнадцать, восемнадцать, девятнадцать...
Не приходите! Дайте досчитать...*

Не досчитал: погиб на девятнадцатом году. Как будто знал, Господи... Теперь, конечно, — когда нам известно, как — рано и трагически — кончилась жизнь Владимира Полетаева, — есть слишком большой соблазн прочитывать его стихи в этой перспективе. Будто знал, будто предсказывал, будто сопротивлялся этому знанию и подчинялся ему, заворожённый...

Из нашей оптики этого уже не изъять — но это наверняка неправда. Кто в остро чувствующей юности не думает и не говорит о смерти? И всё-таки...

От Владимира Полетаева осталось гораздо больше, чем вошло в эту книгу. Действительно, как уже после смерти Володи сказал его литинститутский наставник Лев Озеров, — на три сборника: стихи, переводы, проза¹.

¹ <http://poezosfera.ru/zabytye-imena-vladimir-poletaev-1951-1970.html>

Он — будучи ещё совсем юным — уже горький и мощный. Нет, не катастрофичный, не замороженный гибелью — напротив, страстно влюблённый в жизнь, влекущийся к ней и как раз поэтому глубоко, до уязвлённости, ею взволнованный, постоянно выбиваемый ею из равновесия, — но именно горький: видящий глубину и трагизм жизни, — и мощный: не отводящий от видимого глаз, готовый это вынести. У него тёмный огонь внутри. И пронзительная музыка.

Да, его ранние стихи — а Полетаев-поэт, собственно, весь ранний, весь (не считая детских стихов — считая с обретения собственного голоса) уместился в три года: с пятнадцати до восемнадцати лет, девятый и десятый класс да первый курс Литературного института, — переполнены прочитанным, следами усвоенных влияний, прежде всего, пожалуй, — интенсивно прочитанного Пастернака:

*...Но вы забыли, что в итоге
стихи становятся травой,
обочинами вдоль дороги
да облаком над головой.
И мы уходим без оглядки
в неведение и простоту,
затем, что давние загадки
разгадывать неумоготу...
А ветер длинными руками
раскачивает деревья,
и листья кружатся над нами
и превращаются в слова.*

Он ещё весь гудит узнаваемо-пастернаковскими интонациями, пастернаковской музыкой (и неспроста ведь — по глубокому родству чувства жизни), чуть ли не его словами говорит (как не узнать: «...И ветер, жалуясь и плача, / Раскачивает лес и дачу. / Не каждую сосну отдельно, / А полностью все дерева...»; и его же «...Нельзя не впасть к концу, как в ересь, / В неслыханную простоту...»). Заодно слышно и гумилёвское: «Но забыли мы, что осиянно / Только слово среди земных тревог...», — юный Полетаев был жадным читателем Гумилёва). Эти, совсем переделкинские, «деревя» встретятся у Полетаева ещё не раз, как устойчивый элемент его персонального слова-

ря: «Листва скользит с дерев / и оседает в воду...». Он вообще любил это чуть архаичное для нынешнего слуха слово, употребляя его и в переводах («...дерев ночные откровенья / в ночную книгу запиши...», — так переводил он Богдана-Игоря Антонича), — чувствуя через него, видимо, связь с корнями близкой ему поэтической, шире — культурной традиции. Встретятся у него и другие пастернаковские обороты, чуть ли не цитаты: «жадная бумага» («...Всю ночь до самого утра / дымится жадная бумага...»), «...по крохам храм растаскан, / и пахнет алебастром...» перекликается, конечно, со строками о том, кто «...с дней Экклезиаста / Не покидал поста / За тёской алебастра?».

«Его стихи и стихотворные переводы, — говорил Володя о Пастернаке, — для меня учебник поэзии». Он неизменно упоминал Пастернака в числе самых близких ему переводчиков: «Ближе всего мне поэты-переводчики XIX века и Б. Пастернак, то есть их традиции», и выделял у него строки, которые, по его чувству, должен был бы написать сам. Это, кажется, глубже ученичества.

Самыми важными для себя поэтами он называл Блока, Тютчева, Пушкина, Лермонтова, Некрасова (тяготeya, как видим, по большей части к XIX и раннему XX веку). Их интонаций, мелодических ходов у него и не расслышать (от влияния же Блока — особенно им ценимого — он именно поэтому уклонялся принципиально). «Стихи его, — говорил он о Пушкине, — для меня не стихи, а некая реальность, такая же, как площадь в городе или поляна в лесу. Так нельзя прийти ни к Лермонтову, ни к Тютчеву, ни к Блоку — ни к кому. Но в “этом ряду” для меня Блок первый».

Хотя вообще он охотно заговаривал голосами XIX столетия, поэтически возвращался туда:

*Тряская бричка с фольварка.
Полдень. Дорога. Стога.
Ах, как на Масленой ярко
заполыхали снега...*

<...>

*Съехались. Заночевали.
Тихо поёт снегопад.*

*В жарком натопленном зале
толстые свечи горят...*

Ощутимо меньше у Полетаева и Мандельштама (известно, что старшеклассником Володя читал его запоем, параллельно с высоко ценимым Тютчевым), но кое-что услышать можно:

*... Оно написано лиловым,
оно ещё не стало словом,
случайный выдох или вдох,
прозреньем поднятый врасплох.*

Разве это не отсюда? —

*Она ещё не родилась,
Она и музыка и слово,
И потому всего живого
Ненарушаемая связь.*

А «Россия. Ольга. Снегопад» — разве это не «Россия, Лета, Лорелея»? Отдалённо можно услышать и Марину Цветаеву (темперамент у Полетаева не цветаевский, но она явно включена в его внутренний цитатный фонд):

*Ах, сколько снега, сколько снега,
какая чистая страница —
пройти, не оставляя следа,
и в пустоту не оступиться.*

(Не отзывается ли здесь уже хрестоматийное для нас:

*А может, лучшая победа
Над временем и тяготеньем —
Пройти, чтоб не оставить следа,
Пройти, чтоб не оставить тени...?).*

И Мандельштама, и Цветаеву как раз заново открывали в те самые шестидесятые, на которые пришлось взросление Полетаева.

У него вообще много отголосков русской поэзии двадцатых-тридцатых годов XX века, особенно — воспитанного ею Павла

Когана (жившего, странною волей случая, в том же московском доме, что и Володя Полетаев: Ленинградский проспект, дом 14, корпус 1, — входившего во двор через те же ворота!), его интонационных и ритмических ходов, его эмоциональных движений — которые сегодня прочитываются как знаки предгрозовой взволнованности бытием, его обречённой драгоценностью. Полетаевская музыка во многом оттуда:

*А где-нибудь играют Мендельсона,
и это время выпускных балов
и всяких глупостей. Теперь ведь лето,
и можно делать глупости. Все окна
распахнуты, и каждое окно —
цветной фонарик. Улицей плывёт
чудесный запах булочных, молочных,
кондитерских. До локтя рукава
закатаны. Сливаются кварталы
в зелёное и шумное пятно...*

Когана и его ровесников-сопластников, ифлийцев, поэзию раннесоветского сотворения мира («...Тихонов, / Сельвинский, / Пастернак...»), тоже жадно читали в полетаевских шестидесятых — как своих современников, тоже чуть ли не открывали заново.

Однако в этом мальчишке, не прожившем и двадцати лет, постоянно чувствуется такая сила, такая крупная хватка и точность поэтического глазомера, что эту первоначальную глоссолалию, говорение как будто чужими голосами (в котором он, умный, внимательный и не склонный к самообольщениям, не мог не отдавать себе отчёта) не поворачивается язык назвать вторичностью: куда больше она видится похожей на успешную сдачу экзамена (верность же воспроизведения интонаций видится свидетельством тонкого слуха). Полетаев оборвал свою жизнь, едва переступив порог ученичества. Всё, что мы теперь имеем возможность прочитать, — в сущности, предисловие. Могло бы им стать.

Он рос очень быстро, стремительно овладевал собственным голосом.

При всей своей юношески-страстной влюблённости в жизнь, о которой неустанно свидетельствуют стихи, он умел выстро-

ить дистанцию — между собой и жизнью, между собой и собой, посмотреть и на себя и на жизнь как бы уже издалека — из будущего, в котором ему уже нет места:

*Мои слова не станут небом,
Не омрачающим чела,
А будут только чёрным хлебом
Да красной глиной гончара.*

*Та глина пахнет родниками,
Идущими издалека,
И светлый камень, белый камень
Лежит в истоке родника.*

Всё-таки так и кажется, что он как будто бы заранее сам себя отпускал. Растворялся в мире. И это — ещё не достигнув восемнадцати лет.

Он вырос бы в огромного поэта — он умел расти, знал, как это делается. Впрочем, по мощности чувства жизни, по точности и бесстрашию её понимания он уже им был.

И что совершенно точно — он вырос бы в очень сильного переводчика. Кстати, толковым переводчиком он тоже уже был, — так и хочется сказать, профессиональным. Во всяком случае, он стремительно и старательно набирал профессионализм. Он работал с редкой для своих ровесников серьёзностью, сопровождая свою «высокую работу» основательной рефлексией (примеры её читатель найдёт в вошедших в эту книгу заметках под названием «О поэзии перевода»). Переводил с немецкого (этот язык он знал — «Песню Вильгельма Мюллера прочёл по-немецки»), английского, испанского, белорусского, польского, литовского, болгарского. С особенно любимого грузинского (не ограничиваясь подстрочниками: ещё школьником влюбившись — заочно! — в Грузию и её поэтов, он начал осваивать язык, учил наизусть стихи грузинских поэтов в оригинале) — «почти половину его поэтического наследия, — пишет Джумбер Титмерия, — составляют переводы из грузинской поэзии»¹. С украинского, который тоже усердно изучал. «Интереснее все-

¹ Литературная Грузия. — 1972. — №12.

го, — сказано на сайте “Век перевода”, — работа Полетаева над западноукраинским поэтом Богданом-Игорем Антоничем, которого после оттепели 1965–1967 гг. на Советской Украине упоминали только сквозь зубы. Полетаев оставил зрелый перевод одной из пяти знаменитых “Элегий” Антонича — в тбилисской книге¹ его напечатали, цензура, видимо, прозевала, — поэтому “русский Антонич” начинается именно с Полетаева»².

«Многоязычие Володиных переводов, — писал, комментируя посмертную их публикацию, грузинский поэт, переводчик и литературовед Георгий Маргвелашвили, — было связано не с всеядностью. Он считал, что для начинающего поэта-переводчика такие переводы одна из лучших форм самообразования».

...А ведь его помнят. Помнят, может быть, больше, чем мы об этом знаем. В московской школе имени Александра Твардовского раз в пять лет проходят «Полетаевские вечера». Володины ровесники читают его стихи, переводы, отрывки из заметок и писем, сопровождая это музыкой его любимой Грузии — народной, оперной и эстрадной, — и репродукциями картин Пиросмани.

* * *

Нам никогда не узнать достоверно, что с ним случилось — почему 30 апреля 1970 года этот счастливо-и щедро-талантливый, страстно любящий жизнь человек шагнул из окна. Говорят, несчастная любовь. Говорят, будто влюбился в женщину старше себя, с маленькой дочкой, а она не приняла его всерьёз и отвергла³. Говорят, будто перед смертью звонил всем своим друзьям, искал спасительных разговоров («Мне свалился на голову самый большой кирпич, который только мог свалиться», — сказал он одной подружке, ничего не объясняя), — кто-то

¹ Небо возвращается к земле: Стихи, переводы, очерки, заметки, письма / Владимир Полетаев; Вступ. статьи Л. Озерова, Г. Маргвелашвили. — Тбилиси: Мерани, 1983. — 149 с.

² <https://www.vekperevoda.com/1950/poletaev.htm>

³ <https://rg.ru/2014/07/16/poletaev-site.html>

не ответил, кто-то не смог прийти — именно тогда, когда ему было нужно. На следующее утро его уже не было.

Отец пережил его на тридцать два года. Мать — на срок три.

Сохранилась единственная запись голоса Володи Полетаева¹, сделанная году в 1969-м или 1970-м, — двадцать минут звучания². Это неожиданный голос: много прожившего, мудрого и внутренне хрупкого человека. Ему как будто лет пятьдесят. А может, и вправду. Он действительно прожил на удивление много — внутри себя — притом что внешняя его биография сводится к нескольким строчкам.

Родился 27 августа 1951 года в Саратове, двухлетним переехал с родителями под Ростов-на-Дону, в семь лет — в Москву. Учился в школе № 567, — чистый гуманитарий, терпеть не мог естественные науки, «проклятушую» математику, физкультуру («...и по математике “хвосты”, и по физкультуре “хвосты”, и по химии. <...> проходим практику на часовом заводе: три часа в день. Впрочем, работать у станка интересней, чем, допустим, учить математику», — признавался школьник Полетаев подруге по переписке). Перед самым выпуском из-за конфликта с директором ушёл в другую школу. Занимался во Дворце пионеров в переулке Стопани в литературной группе под руководством писателя Владимира Порудоминского. Общался с поэтом Михаилом Львовским, который впервые принял работу юного стихотворца всерьёз, — Володя показывал ему все свои стихи и слушался его советов беспрекословно. Позже лично познакомился и с Владимиром Соколовым, которого считал лучшим среди молодых поэтов-современников («По-моему, это сейчас лучший наш поэт: самый тонкий, самый человечный», — писал он о Соколове подруге Алле). В девятом классе занял третье место на конкурсе московских поэтов-школьников. «Известные поэты, — вспоминал отец Володи, Григорий Гершензон, — подарили ему сборники стихов с автографами».

¹ http://lit.lib.ru/p/poletaew_w_g/text_0020.shtml

² То, что это голос именно Полетаева, до конца не установлено. Скорее всего, стихи читает поэт Александр Казинцев, друживший с Владимиром в последние годы его жизни. Сам Казинцев не смог идентифицировать принадлежность голоса. — *Прим. ред.*

«Бегал <...> по концертам, по литературным вечерам, орал до хрипоты на диспутах...» — совсем не был ни одиночкой, ни отшельником. Его — «худого, длинного, вечно влюблённого...»¹, — любили друзья и собеседники, которые всегда у него были. А он любил их — и Москву, по которой мог часами бродить, сочиняя стихи на ходу. «Ухожу утром из дому, — рассказывал он в письме, — поздно возвращаюсь, — днями брожу по улицам и закоулкам, ухожу на окраину, где сохранились ещё старые запущенные кварталы. Такие районы есть и в центре города: Арбат, окружившие его переулки и переулки, Пречистенка, Остоженка, Ленивка, а там и Замоскворечье: пузатые купецкие особняки в белых шапках, заметённые сады и скверики, словно стулья или рояли в чехлах». «Старая Москва с её кривыми переулочками, зарастающими тупиками, мелкими золочёными головками церквей, купецкими особняками Замоскворечья <...> Если бы её не было, я, наверно, не писал бы стихов».

Да писал бы, конечно.

Стихи он писал с семи лет. В четырнадцать принял решение быть переводчиком и начал основательно к этому готовиться. Похоже, он не был ни непонят, ни отвергнут, — напротив, его можно считать баловнем судьбы. Поступил в Литературный институт на грузинское отделение факультета художественного перевода, участвовал в прозаическом семинаре Анаиды Беставашвили и поэтическом — Льва Озерова. В этот последний Володю пригласил, услышав его стихи на поэтическом вечере, сам руководитель семинара («Обычно на этот факультет поступают люди, имеющие два года производственного стажа, — писал Володя своей корреспондентке Алле, — но для меня, по словам Озерова, будет сделано исключение»), а ещё одну рекомендацию из двух необходимых ему дал Союз писателей Грузии. Кое-что из своих стихотворений он успел опубликовать ещё школьником: три — в «Московском комсомольце» (14 февраля 1969 года) и одно — в альманахе «Тропинка на Парнас». В «Тропинку...» взяли бы и больше, но он, самокритичный, сам отказался: «Должна была там быть и моя подборка, — рас-

¹ Цит. по: <https://rg.ru/2014/07/16/poletaev-site.html>

сказывал он Алле, — но стихи были старые, не очень удачные, и я пошёл в издательство и добился, чтобы подборку сняли, оставили только одно стихотворение “Небо начинается с земли”». Учил языки: английский, испанский, грузинский... Всё-таки увидел любимую Грузию, побродил по Тбилиси, пожил в грузинской глубинке, вернулся переполненным впечатлениями и счастливым.

Удивительно (ли?), что у него по всем приметам совсем не было по крайней мере двух чувств (и соответствующих тем в стихах) из тех, через которые, кажется, проходит в качестве обязательной программы взросления едва ли не каждый: во-первых, очарованности собой (и её полюса-близнеца: отталкивания от себя) и, во-вторых, юношеского бунта — против жизни ли вообще, социальных ли её обстоятельств. Социального в его стихах почти нет. Правда, он написал «Стихи о народной воле»: «Когда на портрет Перовской, задумавшись, я гляжу, / за то, что рождён в России, спасибо судьбе твержу». Но такие тексты занимают среди его стихов ничтожно мало места — в целом этот тематический пласт не был ему интересен. А вот экзистенциальная тоска — есть. И она не нуждается в причинах.

«Мы, — цитирует Виктория Чернышёва неназванного друга Володи, — <...> никак не могли понять, откуда это у него — щемящая тоска по смерти и страх перед неизбежным, должествующим непреложно произойти? Ведь он не был изгоем, неудачником, больным...»¹. Как будто для того, чтобы знать о неизбежном и тянуться за пределы жизни, обязательно быть неудачником или больным. Достаточно обладать чрезвычайной чувствительностью, которой люди обыкновенно счастливо лишены или, как правило, быстро находят способы от неё защищаться.

Его первая — и до сих пор единственная — книга вышла в Тбилиси спустя тринадцать лет после его смерти. Теперь у нас есть вторая.

А его стихи стали частью московского воздуха.

¹ <https://rg.ru/2014/07/16/poletaev-site.html>

в городе одном

* * *

Моя свобода — бегать под капелью,
а там, исписанные от руки,
на подоконнике черновики
навалены всклокоченной постелью.

А ночь раскачивает огоньки
и улицу (подобно колыбели).
Усни, усни... И стёкла запотели,
и где-то заблудились каблуки.

* * *

А у нас на Зубовском бульваре
музыка гуляет во дворах.
А сейчас на Зубовском бульваре
дождь вразброд и окна нараспах.
Дождь вразброд, и улица вкосою,
светофор вкосою на углу.
Женщину поющую рисую,
осторожно — пальцем по стеклу.
Не наказывая, не прощая,
тихо наклоняется ко мне
молодость моя или чужая —
женщина, поющая в окне.

* * *

Ах, как накурено в тёмном подъезде,
Ах, как натоптано, ах, как темно.
Чёрная лестница, белая песня —
Чёрное, белое, словно в кино.

Прямо из горлышка — горько и сладко,
Жарко и холодно — пей без остатка!
Катится вечер, гремя и звеня,
Девочка в губы целует меня!!!

* * *

Февраль фарфоровый, хрустальный
и гуттаперчевый февраль.
Легко всплывало над устами
дыханье — белая спираль.
И по спирали, по спирали
слова лукавые всплывали
прозрачной мыльных пузырей
и плавали вдоль фонарей,
но фонарей не задевали.
Ты говорила: «Не хочу!»
и вырывалась, и смеялась,
и снова к моему плечу,
заплаканная, прижималась...

* * *

И женский след, и женский смех,
и призрак царственной баллады,
и белый — белый — белый снег
на чёрном кружеве ограды.

Но это всё от смутных лет,
от часа позднего, ночного,
когда в подъездах гаснет свет,
и падает за словом слово,

когда неведение и страх
проходят мимо тёмных окон,
когда таинственным намёком
скользит улыбка на губах.

* * *

Сегодня белый плоский теплоход,
под ним зигзаг — реки изображение —
нам предлагают странствия начать.

А где-нибудь играют Мендельсона,
и это время выпускных балов
и всяких глупостей. Теперь ведь лето,
и можно делать глупости. Все окна
распахнуты, и каждое окно —
цветной фонарик. Улицей плывёт
чудесный запах булочных, молочных,
кондитерских. До локтя рукава
закатаны. Сливаются кварталы
в зелёное и шумное пятно...

А на вокзалах в мокром целлофане
серебряную продают сирень,
и, осыпаясь, влажные соцветья
таинственное обещают счастье,
и мокрые уходят электрички
за железнодорожный горизонт.
Там где-нибудь захочется сойти
и больше никуда не возвращаться.

Вы знаете, что я чуть-чуть романтик,
чуть-чуть нахал. Вы знаете, что я
разглядываю с равным удивленьем
созвездья Девы хрупкую звезду
и ваши осторожные колени...

* * *

Голубой элегический вечер.
Во дворах колобродит весна.
Ты как улочка в Замоскворечье,
где трава сквозь асфальт проросла.

Где в печалях своих стародавних
липы клонятся возле крыльца,
где на старых ореховых ставнях
кто-то вырезал наши сердца.

ПОЧТИ ВСЕРЬЁЗ О ВЗРОСЛОСТИ МОЕЙ

I

Мы жили в городе одном...
Скрипели тёмные перила...
Фонарь качался за окном
и женщина меня любила.

Над миром бренной суеты
витал пророк, дела забросив.
От нестерпимой правоты
горели щёки на морозе.

Метель январская мела
и тротуары заметала,
а женщина меня ждала,
ждала и двери открывала.

А я боялся расколоть
её фарфоровое тело
и не боялся чушь пороть
легко, уверенно и смело.

Зима гуляла по дворам,
дымилась, белая от ветра,
зима, отпущенная нам
так неожиданно и щедро.

II

Когда красавицы, зевая,
глядят утрами в зеркала,
на тонком холоде стекла
своё дыханье забывая,
полузабитые трамваи уже гремят,
из-за угла неторопливо выплывая,
а улица ещё бела,
оставленная, неживая,
я вспоминаю: ты была
иная — ты была иная.

А снега не было.
Летела сырая белая крупа...
Как знать, чего от нас хотела
любовь, которая слепа.

Ты как-то сразу повзрослела с другим...

* * *

*А в доме глухо и темно.
А в доме старые пропажи...*

Отар Чиладзе

...А в доме музыка жила.
Когда она входила в двери,
Вставали мы из-за стола,
Своим глазам почти не веря.
И каждый раз, взглянув вокруг,
Она протягивала руку,
И от руки тянулся звук
Или, верней, сплетенье звуков...
Она жила вне наших фраз,
Обетов наших и обедов,
И знала всё почти про нас
От откровений до секретов.
Она, правдива до конца,
Рыдая и смеясь над нами,
Летела «бабочкой на пламя»
На наши души и сердца.
И, умирая, в нас самих
Такие открывала струны,
Что старец становился юным,
А юный — мудрым, как старик.

* * *

Осень располагает к уединенью,
к четвертушкам бумаги. К бессонным ночам,
чтобы губы искусанные леденели
и над скорбью случайной рыдала свеча.

Но сегодня всю ночь, то ли ворон накаркал,
то ли стёкла наплакали — не разберу,
бормотанье дождя и дрожанье огарка
вызывает унынье, наводит хандру.

И когда уже вдоволь накопится боли,
и усталость придёт и прижмётся к плечу,
и запросится сердце на вольную волю,
я на вольную волю его отпущу...

Торопливая память паденья и взлёта,
прикасання неловкие неба и дна —
дорогая цена одинокой свободы,
изумлённой судьбы дорогая цена...

* * *

В июльском мареве медовом
в горячей солнечной пыли
над клевером белоголовым
висят тяжёлые шмели...

А женщина проходит полем —
трава колен не достаёт —
и звон бесовских колоколен
над полем медленно плывёт.

И я с мучительной любовью,
с любовью жадной и земной,
смотрю на праздник полнокровья,
развёрнутый передо мной.

И если смертное затишье
нахлынет с четырёх сторон,
я знаю: я тогда услышу
всё тот же отдалённый звон.

Последним напряженьем воли,
полуодолевая боль,
я ухвачусь за это поле
и унесу его с собой.

* * *

Свобода? Да. О, вечная свобода!
Свобода жить, свобода умирать.
И белый снег, какая благодать,
с январского повалит небосвода...
А там весна и грохот ледохода,
ручьям и рекам русла выбирать...
Потом страда — спины не разгибать.
Ржи золото, деревьев позолота —
всё позади. Уже ноябрь дохнул,
пригорки листьев вместо листопада,
пустых кустов колючая ограда,
деревьев голых чёрный караул.
И первый снег. Раскрытая тетрадь
белым-бела, как смертная рубаха.
Свобода жить. Свобода жить без страха.
Без страха жить, без страха умирать.

* * *

Окно выходит на задворки,
на жестяные гаражи,
учебник в почерневшей корке
на подоконнике лежит.

А дальше — ветхие ограды,
подслеповатые дома,
и воробьи не в меру рады,
что вот кончается зима.

А ты молчишь, меня не слышишь,
страницу пальцем шевелишь
и вдаль на облака и крыши
сквозь стёкла пыльные глядишь.

А там, гудками пробивая
окраинную благодать,
легла дорога окружная —
не развести не разорвать.

* * *

Р. Арштейн

...когда приметы листопада
закопшатся там и сям,
когда незваная прохлада
уже бежит по волосам,
когда над городом упорно
играет чёрная валторна,
и на развалинах жары
пируют старые дворы,
и розовая Поварская,
заученная наизусть,
закружится, и я смеюсь
и рук твоих не выпускаю,
и недоделаны дела,
а ты проста и весела...
А небо хлынуло потоком
и нам загородило путь,
и так легко его потрогать —
вот только руку протянуть.

* * *

Небо начинается с земли,
с лепета невнятного былинок,
с огонька случайного вдали,
с жёлтых Якиманок и Ордынок.

Как страницы, листья шелестят,
где-то рядом, где-то очень рядом,
слышишь, подступает листопад,
мы с тобой стоим под листопадом.

Задыхающаяся жара
торопливо обжигает щёки,
дождь зарядит с самого утра,
глухо забормочут водостоки.

Дождь заладит с самого утра.
Эта осень на дожди щедра.
Капли расплывутся на стекле —
небо возвращается к земле.

* * *

Вот снег неумелый и мокрый
по горло дворы завалил.
О, привкус живительной охры
на синьке февральских белил.

А большего нам и не надо,
такая у нас благодать,
такая простая отрада
снежки в мирозданье кидать.

* * *

Январь, отрадная пора,
употреблённая во благо.
Всю ночь до самого утра
дымится жадная бумага.

Всю ночь до самого утра,
до сладкого изнеможенья
слова срываются с пера
навстречу головокруженью.

Куда вы, голуби, куда,
куда вы, белые страницы?
Уже распахнуты врата
и небо в куполе дымится.

ПОЭЗИЯ В ЕГО ЖИЗНИ

ПОЭЗИЯ В ЕГО ЖИЗНИ

Володя Полетаев писал свои стихи, переводил с чужих языков на русский. Это было его работой, творчеством. В 1983 году в тбилисском издательстве «Мерани» вышла небольшая книга «Небо возвращается к земле», представившая значительную часть литературного наследия Володи. В книгу вошёл материал из архива, обнаруженного в год его смерти, подготовленный для передачи в издательство Анаидой Беставашвили и Олегом Чухонцевым. Редактор этой книги Георгий Маргвелашвили, поэт Григол Абашидзе, литератор Джумбер Титмерия и преподаватели Литинститута им. А. М. Горького, Беставашвили и Лев Озеров, способствовали публикациям Володиных стихов и прозы в журналах, газетах, различного рода альманахах и сборниках стихов украинских, грузинских и немецких поэтов до и после её выхода.

Короткий творческий отрезок жизни Володи совпал с окончанием школы, поступлением и учёбой в институте. До этого было детство. В детстве Володя узнал, что стихи переводят с одного языка на другой стихами и это называют стихотворным переводом и что две из его любимых книг — «Песнь о Гайавате» Лонгфелло и «Поэмы» Важа Пшавела — стихотворные переводы, а самые великие поэты — Пушкин и Лермонтов — часто переводили стихи.

Когда в 15 лет он решил, что область его будущей деятельности — литература и, главным образом, поэзия, к последней он отнёс и стихотворные переводы.

Он был принят в Литературный институт им. А. М. Горького накануне своего семнадцатилетия. К этому времени у него уже сформировались и принципы отношения к литературному творчеству, особенно в области поэзии. Им он не изменял. Он

писал и переводил лирические стихи, понимая под лирической поэзией ту, «которая начинается, когда чувство остановить, привести в прежнее состояние нельзя, физически нельзя. При этом источник чувства может быть самым разным — от пейзажа до событий в жизни человека или общества».

Он был упрям. Его институтские педагоги обращали внимание на то, что «он не принимал того, что не стало его убеждением» (Л. Озеров). Это проявилось не столько в общих рассуждениях о поэзии, сколько в резких оценках общепризнанных стихотворных переводов на русский язык, порой неоправданных, но никогда не голословных.

Он учился на переводческом факультете в грузинской группе. Не зная грузинского языка, в течение последних школьных лет он успел познакомиться по переводам с грузинской поэзией и до поступления в институт много раз внимательно слушал грузинские стихи на грузинском языке. Некоторые выучил наизусть. Работая над переводами с грузинского, Володя по мере сил старался освоить специфику этого творческого процесса.

В своих заметках «О поэзии перевода» Володя писал: «...ближе всего мне русские поэты-переводчики XIX века и Борис Пастернак... точнее, общее в их традиции. Лучшие их переводы становились и русскими стихами, а это главное. Пушкин высоко ценил переводческую деятельность своих современников-поэтов. Не случайно писал он, что наш Катенин “воскресил Корнеля гений величавый”, тем самым утверждая, что автор перевода нёс с честью бремя двойной ответственности и за себя, и за автора оригинала».

Володя был убеждён, что непереводимых стихов нет. Есть непереведённые и недостойные быть переведёнными. Но все не могут переводить всё. Утверждения о невозможности стихотворных переводов лирической поэзии Володя объяснял незнанием традиций русской поэзии или желанием переименовать достойные переводы в вариации.

«Стихотворный перевод и вариации — сходные продукты творчества. Перевод отличается от вариации тем, что не должен противоречить оригиналу, или существенно удаляться от мыслей, или не следовать замыслу автора оригинала. Очевидно, что назвать своё произведение переводом или вариацией право автора».

С юношеской непримиримостью Володя возмущался, когда замечал, что перевод сделан построчно и поэтому утрачен целостный образ лирического стихотворения. Он особенно негодовал, когда видел, что стихотворный перевод сделан по чужому подстрочнику и транскрипции единственной строфы, а во главу угла поставлено желание сохранить образы текста оригинала, а не передать замысел автора, его чувства и душевное состояние.

Великолепные стихотворные переводы — одно из достижений русской поэзии XIX века. XX век сблизил поэзию разных стран и народов. Это сближение осуществлялось не за счёт овладения иностранными языками, а благодаря стихотворным переводам на язык читателя. Утверждение о невозможности полноценных переводов лирической поэзии можно объяснить только неуважением к родной поэзии. Но требования к стихотворному переводу не могут быть снисходительней, чем к оригинальным стихам. У нас достаточно образцов, которым можно следовать. Первый из них — лермонтовская «Сосна» — гениальный стихотворный перевод «из Гейне».

Рассуждения Володи о процессе стихотворного перевода нашли отражение и в его стихах. «Когда ряды неровных строчек / Поскачут, быстрые на диво, / Не обольщайся, переводчик, / Переводи неторопливо»¹. Написал Володя это стихотворение, перечитывая стихотворные переводы с грузинского Б. Пастернака, которые неизменно считал образцовыми. Володя видел в стихотворном переводе лирических стихов такое же творчество, как и в создании их оригиналов. Стихотворные переводы он называл высокой работой. Всегда улыбался, когда его спрашивали: «Можно ли переводить с незнакомого языка стихи по подстрочнику и транскрипции?» и отвечал: «Если подстрочник всего лишь набор слов, а язык незнаком, нельзя. Если не представляешь фонетику языка оригинала, транскрипция не поможет. Нелепо, когда пытаются сохранить фонетический образ оригинала. Это почти то же, что играть на скрипке по нотам для фортепьяно. Если не представляешь и не можешь расшифровать замысел автора по подстрочнику (что хотел сказать автор оригинала и о чём хотел заставить

¹ См. полный текст стихотворения в настоящем издании. — Прим. ред.

задуматься), приличного стихотворного перевода не получится. Но даже зная поверхностно язык оригинала, правильно прочесть даже хороший подстрочник нелегко. Нужна помощь знающего тонкости».

Вот образец разбора подстрочника известного поэта-переводчика.

В подстрочнике:

«Дождь перестал — и капли дождя зашуршали».

В переводе:

«И снова, снова вспыхнул прежний спор. / Закапал дождик — листья зазвучали».

«Подстрочник прочтён неверно. В переводе дождь умолкает и снова начинается. В оригинале: дождь умолкает и с дерева падают капли, — переводчик принял их за новый дождь. Он не заметил тонкости рисунка. Когда идёт дождь, капель не слышно — звучанье дождя единое, сплошное. Только по окончании его капли обретают голоса. В переводе не сохранено содержание текста стихотворения — непрерывная смена сумеречных картин в старом дворе».

Володе сказали: это мелочь. Он возразил, но по-своему. Суть его возражения такова: для случайного читателя это, может быть, мелочь, но не для поэта-переводчика. Для него это мера мастерства. Переводчик обязан проверять, насколько подстрочник соответствует картинам действий и высказываниям чувств в оригинале. Если плохо знаешь язык и не хватает чутья, без хорошего помощника не обойтись.

Володе везло. Рядом были люди, владевшие языками, с которых переводил стихи Володя. Это облегчало его работу, но несоизмеримо повышало требовательность к самому себе. Это ощущение ответственности, и не что иное, лежит в основании начала одного из его стихотворений:

*Холодное небытиё,
Минутной славы позолота.
И ты, бессмертие моё —
Моя высокая работа.*

* * *

Слова Михаила Григорьевича Львовского, которого он негласно считал Авторитетом, — «прорезается свой голос» — Володя воспринял как признание его стихотворческих успехов и право высказываться по вопросам поэзии в общественных местах. Он продолжал посещать литгруппу в Доме пионеров, представляя свои стихи на суд сверстников и руководителя литгруппы. Носил всё, что писал, на показ Авторитету. Было это в годы, когда стихи и разговоры о стихах занимали множество разномыслящей молодёжи. Аудитории, где происходили вечера поэзии и журналов, в которых печатали стихи, были переполнены. В МГУ на филологическом факультете шли диспуты о взаимосвязи «физиков и лириков».

Володя старался не пропускать наиболее представительные из вечеров. Но если в руки к нему попадала редкая книга на малый срок, он обычно не оставлял её чтения для вечеров и концертов. Он сочинял, писал и читал. Больше всего читал. При этом в его понятие «сочинять» входил и стихотворный перевод.

Начало последнего школьного года в жизни Володи мало чем отличалось от предыдущих. Порядок значимости занятий для него не изменился: чтение стихов и о стихах, чтение прозы поэтов, стихотворчество, занятия английским с учителем, а уже потом школьные уроки. Нелепый конфликт с одним из школьных учителей вынудил его переменить школу. Этот переход оказался существенно волнительней, чем Володя предполагал. В очередном письме к Алле Каюмовой он писал: «Представь себе человека, которого выкинули из школы за несколько месяцев до выпуска. Слава богу, всё обошлось».

Володя нервничал, но сочинял лирические стихи, в которых не было и следов волнения. Потом он объяснил, почему не было. «Потому же, почему при зубной боли не дают бюллетень».

Последний школьный год Володи начинался подготовкой к вступительным на филфак МГУ. На заочных курсах по подготовке к конкурсным экзаменам отметили, что его домашнее сочинение написано на хорошем литературоведческом уровне. Но он уже не радовался таким успехам, понимая, как мало они влияют на результаты конкурса. Особое место в его жизни

заняли выступления на филфаковских диспутах о современной российской поэзии. В отзывах об этих выступлениях неизменно отмечали, что он, десятиклассник, говорил ярче, глубже, а главное — более самостоятельно, чем старшие по возрасту студенты и аспиранты.

Володя выступал особенно резко, когда для большей убедительности перед ним поносили придуманного оппонента, ода-ривая его титулами «мансардный оппозиционер», «новоявленный ничевок», «формалистическая моська» и обвиняя в стремлении «прельстить доверчивого читателя формалистическими выкрутасами». В диспуте о приоритете содержания или формы в лирической поэзии Володя спросил у одного из почтенных борцов с формализмом: как решить, чей приоритет в известном стихотворении Пушкина «Суровый Дант не презирал со-нета»...

— Вы, очевидно, шутите, — сказал стоявший на кафедре бо-рец.

— Вы ведь тоже шутите, когда поносите поэта Вознесенско-го, — добавил Володя...

Как и у многих его сочиняющих сверстников, наиболее «офи-циальные» поэты в числе кумиров не состояли. Исключением был Константин Симонов. Однако отличал он его не за мастер-ство, а за удивительную актуальность.

В число Володиных кумиров неожиданно вошёл Александр Твардовский. Вошёл со стихами самых разных лет. В детстве запомнил Володя три стихотворения Твардовского — «Невесе-те», «Кружились белые берёзы», «Не стареет твоя красота». В старших классах прочёл сначала «Тёркина», потом «Страну Муравью» и всё остальное, что печатал Твардовский. Анализ поэзии Бунина, сделанный Твардовским, в предисловии к со-бранию его сочинений Володя считал образцом «стиховедче-ского» сочинения. «Стихи последних лет» своего кумира Воло-дя переписал из чужого журнала.

Тучи сгущались над редакцией «Нового мира», руководимой Твардовским. Отголоски событий в редакции дошли до Володи. Впервые он написал стихотворение-письмо, обращённое к бо-лее чем уважаемому поэту и замечательному литератору.

Сегодня снова на эстраде
поэзии российской цвет...
Что мне до них, когда в тетради
у Вас «Стихи последних лет».

В них всё естественно и пылко,
без лишних страхов и прикрас.
Знать, моргунковская кобылка
бежит резвей, чем их Пегас.

За ней дорогой тряской славы
«Телега на ходу легка».
И Вас рукой поэт курчавый
приветствует издалека.

И тот, «певец печали русской»,
всегда заботами томим,
журналом занятый своим,
с бородкой клиновидной узкой,

Как Вы, отличный от «охочих
до славы», жалких и пустых!
Кто я? Всего лишь переводчик,
и Ваш не то чтоб ученик.

Володя и раньше считал, что Твардовский продолжал некрасовскую линию русской поэзии. По мне, и «Страна Муравия» и «Тёркин» — продолжение некрасовских поэм... В «Стихах последних лет» увидел Володя в Твардовском лирика, по силе равного Некрасову-лирику.

Примерно в это же время в докладе для школы Володя писал: «Некрасов для меня неизмеримо выше всех своих поэтов-современников, за исключением Ф. И. Тютчева. Гигантская энергия, естественность интонаций, глубина мысли, точность языка («думаю думу свою»), — отличительные свойства лирики Некрасова. Она гражданственная, а не политическая. Такая же лирика в "Стихах последних лет"».

Наспех выполнив школьные задания, Володя подсаживался к секретеру: читать и сочинять. Бабушка считала, что он готовится к экзаменам в университет, дед видел, что его чтиво внепро-

граммное, но не бесполезное, и молчал. Родители возвращались с работы поздно, когда Володя начинал следовать официальной программе вступительных экзаменов в университет.

Впервые в жизни ему захотелось вспомнить, что он уже успел сделать из связанного с его предполагаемой будущей деятельностью. Он и раньше переписывал, упорядочивая, свои стихи. Но не отбирал те, которые собирался хранить. В этот раз он решил кое-что уничтожить. Просматривая свои стихи и переводы, он остановился на восьмистишии, посвящённом Николозу Бараташвили и Борису Пастернаку («так идут в руке рука / два поэта сквозь века»), и незаконченном переводе стихотворения Галактиона Табидзе «Ветер». Он тогда понял, что для успешного стихотворного перевода, кроме мастерства, нужна любовь к оригиналу или его источникам. Володе очень захотелось увидеть уголок Грузии, о которой он столько слышал, столько читал, на языке которой учил наизусть стихи. Его товарищи по литгруппе знали: «Он был влюблён в Грузию, в её поэзию, изобразительное искусство...» (Елена Березина. Газета «Гудок», 23.12.1996).

Однажды вечером он долго и напряжённо писал. Так появилось далеко не лучшее в ту пору его стихотворение о Грузии «Мцхетская баллада»¹.

Мечта о посещении Грузии сбылась через полтора года, а пока он готовился к конкурсным экзаменам на филфак МГУ и посещал происходившие там диспуты по вопросам поэзии. На курсы подготовки к вступительным экзаменам в МГУ Володя представил сочинения «Тема любви в русской поэзии» и «Творчество Александра Блока». Сочинения одобрили, но предупредили, что не советуют в конкурсном сочинении поносить Владимира Орлова за «нелестные» слова о поэте Георгии Иванове в предисловии к сочинениям Блока.

Неожиданно Володины жизненные планы изменились. Об этом он написал и своей корреспондентке Алле.

«...произошли события, которые во многом способствовали изменению моих намерений. 25 марта я выступал на поэтическом вечере в МГУ. Среди присутствующих был Лев Озеров — руководитель семинара переводчиков в Литературном

¹ См. настоящее издание. — Прим. ред.

институте. Стихи мои его заинтересовали, и он пригласил меня на “свой” семинар. Я несколько раз посетил семинар и даже выступал. Вскоре он предложил мне поступить по окончании на переводческий факультет в грузинскую группу. Я согласился. Теперь мне предстоит творческий конкурс и собеседование».

С творческим конкурсом в Литинститут совпал открытый конкурс на лучший перевод стихотворения Николоза Бараташвили «Мерани». У Николая Микавы получил Володя проспект этого конкурса, подстрочный перевод и транскрипцию первой строфы. Он решил представить свой перевод «Мерани» на творческий конкурс в институт, разыскал несколько известных стихотворных переводов «Мерани». Эти переводы практически не соответствовали подстрочнику и друг другу, неполно раскрывали замысел автора оригинала. Свои прошлые попытки перевести на русский «Мерани» Володя считал несостоятельными. Он объяснял, что «переводил с голоса и по рассказу», а перевод «Мерани» требует анализа текста и, следовательно, совершенного знания грузинского языка или хорошего напечатанного подстрочника. Теперь такой был, но не хватало времени для размышлений.

На творческий конкурс в институт Володя представил несколько оригинальных стихотворений, два перевода с грузинского и четыре с испанского. В августе 1968 года Володя стал студентом. Ему исполнилось семнадцать. Границу между оригинальным стихотворчеством Володи-школьника и Володи-студента установить практически невозможно, но стихи заметно взрослели вместе с Володей. Что касается стихотворных переводов, то они становились существенно продуманней. В последнем немалую роль сыграла его преподаватель Анаида Николаевна Беставашвили, знакомившая Володю не только с творчеством грузинских поэтов, но и с живыми поэтами, в том числе поэтами-переводчиками.

Эпиграфом «Крымских сонетов» Адама Мицкевича, которые Володя знал наизусть в переводах Бунина, было двустишие Гёте. Подстрочник двустишия: «Кто хочет понять поэта, должен направиться в страну поэта». По окончании первого курса Володя наконец побывал в Грузии.

Володино представление о Грузии складывалось начиная с малых лет. Он узнал, что есть такая страна, по стихам Пуш-

кина и Лермонтова. Он узнал о её красоте и дивном мужестве её обитателей по поэмам Важи Пшавелы и Григола Орбелиани, по рассказам поэта Григола Абашидзе и его жены Ламары, телевизионного режиссёра Нателлы Апакидзе. Зная о предстоящем посещении Грузии, Володя перечитывал книги по её истории и исторические романы о её недавнем и давнем прошлом, а также стихи и поэмы, переводы которых когда-то произвели на него большое впечатление. Среди авторов стихов первенствовал Важа, среди прозаиков Михаил Джавахишвили. Перечитывая «Белый воротничок» Джавахишвили, неожиданно вспомнил Володя рассказ Джека Лондона «Жена короля».

«Я сравнивал характеры героинь не из-за отдалённого сходства ситуаций. Меня интересовало, что общего в них самих и как рисуют это общее писатели».

Своей корреспондентке Алле Володя послал книгу Анны Антоновской «Великий моурави», на которой написал: «По-моему, здесь не всё правильно. Автору этого сочинения (она давно умерла) я посвятил строки:

*Мы не могли бы столкнуться,
Так ясно каждому из нас:
Зачем вам нужен Саакадзе,
За что мне дорог Теймураз.*

Саакадзе — полководец. Доводилось ему и против грузин сражаться, а царь Теймураз один из тех, кто причастен к созданию грузинского литературного языка.

И ещё. Есть грузинский писатель Нодар Думбадзе. Очень хороший, добрый писатель. Его на русском печатают. Увидишь — прочти».

Письма Володи о дороге в Грузию скорей представляли его настроение, чем впечатления.

«К Чёрному морю подъехали ночью... Море подходило к самой насыпи. Мы продвигались, как ветер над высокой травой. Я, ошалевший, болтался на поручнях, пока Вахтанг, мой старший коллега, не втащил меня обратно в вагон. Утром, заглянув в окно, узнал я — Грузия! В полдень мы приехали в Тбилиси.

Отправились в Союз писателей. Представились Иосифу Нонешвили, Бесо Жгенти и Ираклию Абашидзе, а затем прошли в ресторан. Там увидел я последнего голуборожца¹ Колау Надирадзе. В полупустом зале Колау сидел за столиком с последним представителем футуристического безобразия — Давидом Гачичеладзе.

<...>

Узнав, что мы студенты московского Литинститута, Гачичеладзе предложил выпить вина за бывшего студента МГУ Колау, но тот вспомнил “ушедших навсегда” и сказал: “Их искусство хранит память о них. За память о них”. Мы выпили не чокаясь».

По Тбилиси Володя бродил как будто читал хорошо пересказанную книгу. День уделил старой столице. Побывал в храмах — Светицховели и Самтавро — и поднялся к Джвари (Мцыри). Купил там в киоске пачку сигарет. Вытащил из пачки три штуки, вернув пачку киоскёрше, попросил: «Тут один офицер подойдёт. Спросит: “Сигареты оставляли?” — передайте ему. “А как зовут и какой из себя?” — поинтересовалась киоскёрша. Володя сообщил: “Зовут — Михаил Юрьевич. Невысокий, чернявый и прихрамывает”».

Про этот случай Володя рассказывал дома. Дед спросил: «Зачем это»... «Настроение было такое», — ответил Володя.

«В Москве стояла городская осень. Густая в лиловых подтёках синева тяжело лилась сквозь ветхую пестрядь дворовых деревьев». Володя бродил по городу, бормоча стихи. Он записывал дома эти стихи о Москве, Тбилиси, Грузии... Иногда переводил с грузинского новые стихи и нёс на показ Авторитету и Анаиде Николаевне.

Впереди у него оставался ещё один сезон учёбы и работы. Через полгода Володи не стало.

¹ «Голубые роги» — литературная группа грузинских символистов, созданная Паоло Яшвили в 1915 году (по другим сведениям — в 1916-м) в Кутаиси и просуществовавшая до 1930-х годов.

прозрачный циферблат

* * *

Мои слова не станут небом,
Не омрачающим чела,
А будут только чёрным хлебом
Да красной глиной гончара.

Та глина пахнет родниками,
Идущими издалека,
И светлый камень, белый камень
Лежит в истоке родника.

* * *

Я заучил вас наизусть,
дожди, похожие на грусть...

Я прислоняюсь к фонарю,
я с фонарём заговорю.
Неосторожная звезда,
свалившаяся из гнезда,
покатится по рукаву, —
живу я или не живу? —

Часы. Прозрачный циферблат.
Идут они или стоят?

* * *

Не приходите! Что вам до меня?
Цветы Голгофы, я вам не родня,
Цветы Голгофы, красные причастья,
Кровавящие детские запястья.
Не приходите! Я умру легко —
Уткнусь кутёнком Господу в ладони...
Горячий хлеб вздыхает глубоко,
Молочница приносит молоко
Холодное, в серебряном бидоне,
А девочка на голубом балконе
Считает звёзды: три, четыре, пять...
Не приходите! Разве вам угнаться!
Семнадцать, восемнадцать, девятнадцать...
Не приходите! Дайте досчитать...

* * *

Россия, Ольга, снегопад —
слова, владеющие нами,
как заклинания, стоят
между иными именами.

Заворожённые дома,
и женщина под снегопадом
прощается. А где-то рядом
бормочет дряхлая зима.

Я слов её не понимаю
и, улыбаясь невпопад,
прощаясь, тихо повторяю:
Россия. Ольга. Снегопад.

* * *

В. Соколову

Кружился снег, стократ воспетый,
кружился медленно и строго,
и под полозьями рассвета
плыла январская дорога.

Неприбранная мостовая
лежала в белом беспорядке,
мучительно напоминая
об ученической тетрадке.

Ах, сколько снега, сколько снега,
какая чистая страница —
пройти, не оставляя следа,
и в пустоту не оступиться.

Ах, детство, детство, моё детство,
моё фарфоровое блюдце,
мне на тебя не наглядеться,
мне до тебя не дотянуться.

Под розовыми фонарями,
под фонарями голубыми
кружился снег, и губы сами
произносили чьё-то имя.

* * *

Густая сладкая смола,
Дыхание греха
Да солнечная шелуха,
Истлевшая дотла.

И только сыплются слова
За пазуху и в рукава

Ой, наглotalись города
Июльской белены
И облака раскалены,
И кругом голова

* * *

...Но вы забыли, что в итоге
стихи становятся травой,
обочинами вдоль дороги
да облаком над головой.
И мы уходим без оглядки
в неведение и простоту,
затем, что давние загадки
разгадывать невмоготу...
А ветер длинными руками
раскачивает деревья,
и листья кружатся над нами
и превращаются в слова.

* * *

Заговори же поскорей
посередине тротуара,
свояченица снегирей —
шарманка, дудочка, гитара.

Заговори, заговори,
окраинная, гулевая —
смотри, какие фонари,
какие звонкие трамваи.

Как будто нотную тетрадь
раскрыли вдруг на середине...
Заговори...
А мне отныне
твои напевы повторять.

* * *

А в январе — как в январе,
не первый снег и не последний.
А во дворе — как во дворе,
всё те же хлопоты и сплетни.

А где-то шестнадцатилетний
неосторожный человек
идёт моим неверным следом —
неверным следом — белым светом.

Ему пребудет первым снегом,
быть может, мой последний снег.

письма алле

Однажды в одну из московских школ пришло письмо...

КУДА: г. Москва, школа № 155

восьмой класс «А».

КОМУ: Любому мальчику или девочке...

Письмо отдали Володе Полетаеву, и у него завязалась переписка с одноклассницей из Орджоникидзеабада (ныне Вахбат, республика Таджикистан) Аллой Каюмовой. Первое письмо Володи Полетаева датировано 12 января 1966 года, последнее написано ранней весной 1969-го.

* * *

Здравствуй, далёкая моя подруга Алла! Письмо твоё попало ко мне.

Меня зовут Володя Полетаев и учусь я в восьмом классе. Учусь хорошо, но имею тройку по самому глупому предмету — по физкультуре.

Любимое моё занятие такое же, как и у тебя, — книги. Больше всего я люблю стихи и сам пишу их. А ещё я очень люблю музыку.

Куда ты думаешь поступать, когда кончишь школу?

Я, наверно, пойду в литературный институт, буду литературоведом. Конечно, очень хочется стать писателем, но для этого требуется одна пустяковая вещь, которой у меня нет, — талант.

Ты спрашиваешь, какая у нас погода. Погода у нас сейчас холодная и снега много, а вот Новый год мы чуть-чуть не встретили, как и вы, — без снега. Весь декабрь стояла слякоть, снега почти совсем не было, но в конце декабря он всё-таки выпал.

Что ещё я могу написать о себе?

Собираю я открытки, только не с портретами артистов, с разными городами. Сейчас у меня есть почти все столицы Европы, а всего около трёхсот открыток.

Большое спасибо за твои пожелания к Новому году. Сам я также желаю тебе всего наилучшего, разумеется, не по случаю Нового года, по случаю Нового года теперь уже поздно поздравлять, а просто так.

Ещё одна маленькая просьба: пришли мне, пожалуйста, твою фотографию, а я тебе пришлю свою.

А писать пока больше нечего и мне остаётся только сказать: «до свидания!»

Володя Полетаев 12.1.1966 г.

P. S. Отвечай поскорей

* * *

Здравствуй!

Ну, с чего мне начать? Начну со стихов. Ты спрашиваешь, какие мне нравятся стихи. Хороших стихов много, они все разные, и люблю я их как-то по-разному. Больше всего мне нравятся стихи Блока.

Ты читала Блока? Если нет, почитай обязательно. Только у Блока есть много стихов, которые туго читаются и туго воспринимаются, я боюсь, что тебе попадутся такие стихи и представление о Блоке у тебя будет испорченным. Знаешь что? Я тебе назову стихи Блока, с которых лучше всего начать. Это целый цикл, в нём много стихотворений; называется он «Фаина». Стихи в нём очень сильные и красивые, читаются очень легко. Когда прочитаешь, напиши мне — понравились или нет.

Я, кажется, слишком заболтался о стихах, но ты уж меня извини. Стихи — моя слабость, я могу о них говорить и тем более писать бесконечно.

Ты интересуешься, кто мои родители и есть ли у меня братья или сёстры. Папу моего зовут Григорий Самойлович, маму Надежда Владимировна. Папа работает старшим научным сотрудником в институте, мама — инженером на одном из московских заводов. Братьев и сестёр у меня нет.

А ещё ты пишешь, что увлекаешься английским языком и хочешь поступать в институт иностранных языков. Я сам очень люблю английский язык, но, по-моему, если ты избрала его своей будущей профессией, тебе лучше поступать не в институт иностранных языков, а в институт истории литературы, на английское отделение. Если ты кончишь институт иностранных языков, кем ты сможешь быть? Учительницей английского языка в школе? По-моему, не очень привлекательно. Переводчиком при иностранных туристах? Тоже не очень привлекательно. Переводчиком на производстве? Я видел таких переводчиков. Выглядят они довольно жалко. К такому переводчику подходит инженер, подаёт ему техническую книгу на английском языке, просит перевести «отсюда и досюда». И переводчик переводит. Так изо дня в день. А если ты кончишь английское отделение института истории литературы (вообще, по-моему, института истории литературы как такового нет, в нём изучают не только литературу, но и живопись, и скульптуру, и называется он не то Институт искусств, не то Институт истории искусств), ты будешь специалистом по английской литературе, будешь исследовать её, может быть, даже переводить литературные произведения с английского на русский.

Разумеется, всё решать должна ты сама, я только даю тебе совет.

Я посылаю тебе открытку с артистом Баталовым. Это не простая открытка, это открытка-путешественница. Когда-то я переписывался с девочкой из ГДР. Её звали Рут и она, так же, как и ты, собирала открытки. До меня она переписывалась с девочкой из Советского Союза по имени Ольга. Эта Ольга прислала ей эту открытку, а Рут, полагая, что я тоже собираю открытки, переслала её мне (надпись на открытке сделала она), а теперь я посылаю её тебе. Таким образом, получается, что эту открытку посылают уже в третий раз, причём дважды она переезжала границу. Сама по себе открытка представляет небольшой интерес, но какова её биография.

Ну, вот собственно и всё, писать пока больше не о чем,

В. Полетаев: он же просто Володя.

P. S. А фотографию твою я жду, как ты обещала, в следующем письме.

* * *

Здравствуй, Алла!

Во-первых, большое спасибо и за фотографию, и за открытку. Я тебе посылаю что-то вроде подарка на 8 марта — набор фотографий артистов. Подарок бедный, но что поделаешь? — другие подарки в конверт не влезают.

Во-вторых, книга «Час поэзии», о которой ты мне писала, очень заинтересовала меня. Я обошёл все книжные магазины и библиотеки, какие мог обойти, но книги не нашёл. Если можешь, пожалуйста, перешли из этой книги 2–3 стихотворения, которые тебе понравились больше остальных, и пришли мне, я бы очень хотел посмотреть, что это за стихи.

В-третьих, я с нетерпением жду твоего мнения о Блоке. Я, как ты уже знаешь, очень люблю Блока и мне бы так хотелось, чтобы он тебе понравился!

Извини, я, кажется, опять чересчур заболтался на литературные темы. Я уже писал, что это моя слабость.

И ещё: мне бы хотелось знать твои вкусы. Назови мне своего любимого художника, писателя, поэта и композитора. Назови свою любимую картину, повесть, стихотворение, музыкальное произведение.

Как у тебя идут дела? Как учёба в школе? У меня всё вроде бы благополучно.

Занимаюсь я сейчас вот чем: подбираю себе «личную библиотеку», то есть подбираю небольшую библиотечку, книг 20–25, в которую входили бы все мои любимые книги. Библиотека эта уже почти вся подобрана, не хватает только нескольких книг, которые я ищу по всем букинистическим магазинам и в самое ближайшее время думаю найти.

Ну, вот вроде и всё. Писать больше нечего. Фотографию пришлю в следующий раз.

Жду ответа.

Володя

* * *

Я получил твоё письмо. Большое спасибо за то, что прислала стихи. Правда, понравились они мне не очень и сейчас я попробую объяснить почему.

Почти все подростки, пишущие стихи, больны трудноизлечимой болезнью — желанием подражать своим любимым поэтам. Иногда подражают сознательно, иногда — бессознательно.

А настоящее искусство не признаёт повторений. Стихотворения «Героям Брестской крепости» и «Руки матери» подражательны целиком, «Сверстникам» — отчасти.

Плохо ещё то, что часто художественный вкус у этих ребят ещё не сложился, и они подражают поэтам не очень хорошим, а иногда и плохим.

Вот у Нины Суховой, которая написала стихотворение «Сверстникам», вкус есть. Стихотворение её, конечно, отчасти тоже подражательное. Но сквозь подражание здесь и там пробивается что-то «своё», и это главное. Стихотворение это мне понравилось больше других. Со временем Сухова, безусловно, избавится от остатков подражания, улучшит технику стиха и, по-моему, станет, если захочет, неплохим поэтом.

Стихотворение о Брестской крепости мне не понравилось совсем.

«Руки матери» подкупают своей наивной искренностью. В общем, стихотворение неплохое. Но ведь о материнских руках было написано столько стихов, длинных, коротеньких, хороших и плохих. Что нового даёт это стихотворение? Ничего.

Истинный поэт — тот, кто даёт людям новое, а не подносит старое в новой форме.

Ну вот, я опять заболтался на литературные темы. Если тебе было очень скучно читать мои измышления, извини. Если можешь, пришли, пожалуйста, ещё несколько стихотворений из этой книги.

Теперь буду отвечать на вопросы:

Мой любимый писатель — Джек Лондон. Люблю его за то, что пишет он о людях отважных и сильных духом. Люблю его за бесконечную веру в человека, за его суровый гуманизм, за грубоватую нежность.

Любимый мой роман — его «Мартин Иден».
Мой любимый поэт, как ты уже знаешь, Блок.
Любимое стихотворение — блоковское «О, весна без конца
и без краю».
А любимая поэма — «Мэри Глостер» Киплинга.
Мой любимый художник — Врубель.
Любимая картина — врубелевский «Демон поверженный».
Как жаль, что ты не видела этой картины в подлиннике, все
репродукции с неё, как назло, одна хуже другой.
Моё любимое музыкальное произведение — «Полонез»
Огинского.
Любимый композитор — Бетховен. Очень люблю Вагнера.
Ну, об искусстве хватит. Теперь о себе. Нового нет ничего.
Абсолютно ничего.
Дела идут неплохо, учусь тоже неплохо. Посылаю тебе свою
фотографию.
Жду ответа.
Володя

* * *

Во-первых, прошу прощения за то, что задержал ответ.
Апрель у нас стоял прохладный, я простудился и недели две
проболел. Теперь я уже совсем поправился.

Большое спасибо за открытку и стихи. Это во-вторых.
А в-третьих... а в-третьих, буду, пожалуй, опять писать насчёт
стихов. Постараюсь написать покороче.

Стихотворение должно либо выдвигать какую-то нужную лю-
дям мысль, либо стать зеркалом, в котором находят отражение
чувства человеческой души. Я беру все четыре стихотворения,
которые ты прислала, и не нахожу в них ни того, ни другого.

Каждое из них просто маленькая картинка, без ясной мыс-
ли, довольно слабая по исполнению. Правда, по исполнению
(то есть как написано) мне понравился конец стихотворения
о Юлиусе Фучике.

Но довольно о поэзии, довольно, довольно! В первом пись-
ме ты писала, что любишь стихи, теперь ты написала, что
стихами мало увлекаешься. Если я буду и дальше болтать

о поэзии, ты эту поэзию, в конце концов, окончательно возненавидишь.

Вот уже экзамены на носу, а предметы у меня запущены самым безбожным образом, особенно алгебра. Ох уж эта мне алгебра, терпеть её не могу! То ли дело литература!

Не могу не похвастаться — на мою долю выпал маленький триумф. У нас была олимпиада по истории, и я занял первое место в районе.

Победители районов соревновались друг с другом в городской олимпиаде. Я в этой олимпиаде тоже участвовал, но победитель пока не известен.

Да, вот что! Я только что кончил читать «Далёкие годы» Паустовского. Если ты не читала, прочитай обязательно. Я уверен, что тебе понравится.

У нас в Москве стоит великолепная погода, настоящая летняя погода, хотя сейчас только конец апреля. Я люблю весну в мае, иногда в апреле, а вот марта терпеть не могу, март да, пожалуй, ещё октябрь — самые противные месяцы.

Блока ты, наверно, уже нашла. Если нет, в следующем письме пришлю тебе его стихи.

Ну вот, теперь остаётся только написать, что писать больше не о чем, и на этом письмо закончить.

Ещё раз прошу простить меня за то, что запоздал с ответом.

Жду ответа.

Володя

* * *

...Большое тебе спасибо за поздравления по поводу олимпиады и за добрые пожелания.

К сожалению, пожеланиям этим не суждено было сбыться. Пока ещё окончательные результаты городской олимпиады не объявлены, но уже известно, что ни первое, ни даже второе место мне не досталось. Я значусь в числе кандидатов на третье. Полный провал!

Итак, в лучшем случае, в самом лучшем, третье место. Первый блин комом, на то он и первый.

А вот насчёт Блока ты меня огорчила не немного, а очень-очень крепко.

Не любить Блока!

Попробуй ещё почитать. Первый том не читай, там ранние стихи Блока, большинство составляют слабые. Во втором томе прочитай ещё раз следующие стихи: «Осень поздняя. Небо открытое» /стр. 22/, «Снежная дева» /стр. 267/, «Под ветром холодные плечи» /стр. 264/, «И я опять затих у ног» /стр. 282/.

Потом обязательно почитай третий том, обязательно. Лучшие стихи в третьем томе.

Обрати внимание на стихотворения «К музе» /стр. 7/, «Под шум и звон однообразный» /стр. 9/, «Чёрный ворон в сумраке снежном» /стр. 162/, «Посещение» /стр. 262/, «Новая Америка» /стр. 268/.

Я называю только самые лучшие, самые мои любимые стихотворения, а вообще в третьем томе почти все стихи замечательные, во втором хороших стихов тоже немало.

Прочитай обязательно и напиши, понравились ли тебе перечисленные мною стихотворения и изменила ли ты, прочитав третий том, своё мнение о Блоке.

А стихотворение «О, весна без конца и без краю» мне, как и тебе, нравится, хотя у Блока есть лучшие стихи. Очень нравится.

И ещё относительно страниц, на которых напечатаны перечисленные мною стихотворения, — ты на это не обращай внимания. Возможно, что у тебя Блок в другом издании.

Кончаю о Блоке, перехожу к экзаменам. Экзаменов у нас не пять, а четыре, физику мы не сдаём. К экзаменам я понемногу готовлюсь.

Больше всего боюсь алгебры...

У нас в Москве стоит невыносимо жаркая погода. На улицу невозможно выйти.

Лежу на диване и читаю книги. Все окна распахнуты настежь, но — это не помогает, совсем не помогает.

Читаю сейчас Эренбурга. Впечатление среднее, на «четвёрку».

И ещё хочется мне задать тебе один вопрос насчёт поэзии. Кто тебе больше всех нравится из современных поэтов? Подумай и напиши.

Ну, пожалуй, пора письмо кончать. Желая тебе отлично сдать экзамены.

Володя

* * *

Начну с покаяния за своё долгое молчание. Видишь ли, летом я был за городом. И письмо твоё получил только в начале сентября, когда вернулся.

Ответа я написать не успел, потому что простудился (сентябрь у нас был очень холодный) и пролежал в постели больше месяца. Когда встал, пришлось много заниматься — я ведь очень много пропустил в школе.

Кстати, в школе дела идут у меня очень и очень средненько — по алгебре и геометрии в четверти выходят тройки.

Экзамены я сдал тоже средненько: четвёрка по алгебре, тройка по геометрии, остальные пятёрки (физику мы не сдавали).

Летом я был на Валдайских озёрах под Новгородом. Отдохнул очень хорошо. Озёра голубые-голубые. Жил я на турбазе, было там очень много народа (а когда много народа — очень весело).

Я научился плавать, научился грести и немножко танцевать. Около нашей турбазы, в парке, была большая танцплощадка. Но танцевали мы, как ты сама понимаешь, вечером. А днём уезжали на целый день на лодках.

Однажды лодка чуть не перевернулась. Уселось слишком много народа, а на озере началось волнение, ветер подул. Лодку стало заливать водой, а тут ещё и весло сломалось. Хорошо, что был с нами один моряк из балтийского флота. Здорово он грести умел.

Ты представляешь себе, одним веслом сумел подгрести к берегу (а ведь до берега далеко было). Выручил всю компанию честную.

Учили меня играть на гитаре, да так и не выучили. Учили, конечно, шутки ради, за два месяца не научишься, а если серьёзно говорить, я очень жалею, что ни на чём не умею играть. 27 августа мне исполнилось 15 лет.

Отпраздновали мой день рождения очень весело. Собра-лось много народу. Я после этого подумал (я и сейчас так ду-маю) — хорошо бы праздновать день рождения не раз в год, а хотя бы раз в месяц. Веселей жить было бы. Кстати, когда твой день рождения? И как ты провела лето?

Я сейчас много времени уделяю чтению, вообще и чтению стихов в частности. Читаю сейчас стихи Рильке, а из прозы рассказы Карела Чапека. Хорошие рассказы! Довольно много пишу.

Кстати, ты ведь обещала мне в последнем письме, что обя-зательно напишешь, понравились ли тебе стихотворения Бло-ка, названные мной в прошлом письме.

Если ты не забыла, о каких стихотворениях я писал, я жду твоего мнения.

В конце августа я был в Ленинграде — в городе, о котором так много писал Блок.

Смотрел Эрмитаж, Русский музей, Исаакиевский собор. Был в квартире Пушкина на Мойке. Впечатление огромное.

Очень понравился Невский проспект — улица совершенно прямая, заострённая очень интересными по архитектуре до-мами. Перед каждым зданием хочется остановиться и рассма-тривать.

Ещё я был в Новгороде, смотрел старинные русские церкви. В Новгороде мне посчастливилось попасть на раскопки, погово-рить с археологами.

Более подробно обо всём этом напишу в следующем письме.

Большое спасибо за открытки, которые ты мне прислала.

Посылаю тебе несколько открыток.

Эти открытки я привёз из Ленинграда. Обрати внимание на открытку «На Неве». На этой открытке виден Исаакиевский собор. На открытке он получился не очень удачно, на самом деле он очень красивый.

Письмо на этом заканчиваю. Жду ответа.

Володя

* * *

Спасибо за твоё поздравление. Я, хотя и с некоторым опозданием, тоже поздравляю тебя с Новым годом и желаю тебе всего самого хорошего в этом году.

Новый год мы встречали всем классом, вместе. Народу было — человек тридцать. Встретили хорошо, только под утро, часам к пяти, стало скучновато. Ели, пили и танцевали. И то, и другое, и, в особенности, третье рано или поздно надоедает. Но, в общем, я не жалею. А как ты встретила Новый Год?

Полугодие я закончил средненько: четыре тройки (алгебра, геометрия, физика, химия). Остальные четвёрки. Пятёрки, увы, нет. Даже по поведению умудрился получить четыре. Как у тебя закончилось полугодие?

<...>

Я посылаю тебе книгу стихов Владимира Соколова. По-моему, — это, конечно, моё субъективное мнение: видит бог, я могу ошибаться, — по-моему, это сейчас лучший наш поэт: самый тонкий, самый человеческий. Прочитай его стихи (их в книге немного) и напиши мне, понравились ли они тебе, что понравилось больше, почему. Мне, пожалуй, больше всего нравится стихотворение «Ростов Великий». Все стихи Соколова из этой книги, которые мне особенно нравятся, я пометил в оглавлении.

Может быть, тебе нужны чьи-нибудь стихи? Напиши мне, может быть, я их смогу достать: в Москве это легче.

Кстати, Алла, посмотри «Комсомольскую правду» за 1 и 2 января. В каком-то из этих номеров — ей-богу, не помню — в каком, — напечатано стихотворение Оли Бураковой «Январь».

Понравилось ли тебе это стихотворение? Оля Буракова занимается в нашей литгруппе, она мой очень хороший товарищ.

Это — первый её дебют в печати. Мы все (ну и я, конечно) за неё очень рады. Впрочем, положение обязывает — из нашей литгруппы вышла Белла Ахмадулина — нельзя нарушать традицию.

В Москве сейчас оттепель, снег тает, сыро и скверно. А у меня сейчас каникулы и я толкаюсь по театрам и по дням рождения. Много читаю, пишу.

Ну, вот, пожалуй, пока всё. Жду твоего ответа.

Володя

* * *

Большое тебе спасибо за поздравление.

Я тебя тоже поздравляю и посылаю тебе маленький новогодний подарок — сборник стихотворений Блока. Это единственный подарок, который убирается в конверт. Стихотворения, которые мне особенно нравятся, я отметил в оглавлении.

В школе у меня дела идут так себе. По алгебре и по физике выставили мне за полугодие двойки — не больше и не меньше.

Пришлось мне пересдавать на тройки. Пересдал.

По остальным предметам всё нормально — четвёрки, пятёрки.

Продолжаю большую часть времени отдавать чтению. Довольно много пишу. Недавно выступал на литературном вечере со своими стихами. Хожу в литературно-творческую группу.

Кстати, бывают у вас в Орджоникидзеабаде какие-нибудь литературные диспуты?

У нас в Доме комсомольца недавно был диспут на тему: «Поэзия журнала "Юность"». Очень было интересно. Последнее время начал заниматься с учительницей английским языком. Если я буду плохо знать английский, не видать мне института как собственных ушей.

Занимаюсь, скрепя сердце, алгеброй и физикой. Тройки должны быть твёрдыми, а пока я болтаюсь где-то между тройкой и двойкой, как по алгебре, так и по физике.

В школе у нас пробовали организовать литературный кружок. Не знаю, что из этого получится. Поживём — увидим. Больше, пожалуй, писать не о чем.

Отвечай поскорее.

Володя

* * *

Алла, здравствуй!

На днях получил твоё письмо. Очень рад, что тебе понравилось стихотворение «На железной дороге». Мне оно тоже нравится. Перечитай ещё раз стихотворения «Чёрный ворон в сумраке снежном», «О, весна без конца и без краю» и «На островах». В той книжечке Блока, которую я тебе прислал, это, пожалуй, самые лучшие стихи. Тебе они должны понравиться. Вот ты пишешь, что некоторые стихи Блока не понимаешь.

А что значит — «не понимаешь?» Мало просто видеть то, что написано, надо это чувствовать.

Настоящий поэт — это тот, кто не сообщает тебе о своём чувстве, а передаёт его тебе. Вот и Блок передаёт.

Когда читаешь Блока, не просто узнаёшь о любви Блока или ненависти Блока, а сам начинаешь любить его любовью и ненавидеть его ненавистью.

И нет у Блока непонятого. Есть недосказанное. Но ведь в настоящей лирике почти всегда есть что-то недосказанное, что ты должен домыслить и дочувствовать сам.

Когда я читаю Блока, я ведь не просто получаю удовольствие от хороших стихов, я весь как бы погружаюсь в них; они так захватывают меня, что я начинаю забывать то, что рядом со мной. Я помню, как я в первый раз прочитал «О, весна без конца и без краю». Помню, как меня, когда я его только что прочитал, послали за чем-то, кажется, за хлебом. Был уже вечер, на улице было много народа, а я шёл, не разбирая дороги, на всех натыкался, руками размахивал и ничего не видел, только стихи у меня в ушах звучали.

А ты говоришь «непонятно». Чувствовать стихи надо, не глазами чувствовать, а сердцем.

Алла, прошу прощения (в который уже раз я его у тебя прошу), я, кажется, опять заболтался на поэтические темы.

Теперь давай спустимся с высот поэзии и поговорим о более земных вещах. Например, о школе. В школе у меня всё идёт нормально. С математикой и физикой дело, кажется, начинает выправляться. От физкультуры, по которой у меня тоже были неприятности, меня пока, после болезни, освободили.

Продолжаю заниматься в литературной группе. Группа у нас, надо сказать, очень хорошая, руководитель хороший и ребята талантливые. По-прежнему я много пишу, стихи мои — не могу не похвастаться — в литературной группе хвалят.

Читаю я тоже много. Сейчас читаю последний сборник стихов Андрея Вознесенского. Очень хорошие стихи.

А как поживаешь ты? Ты пишешь, что летом много времени отдавала чтению, часто ходила в театр. Напиши, какие ты читала книги, какие смотрела спектакли. Что тебе понравилось, что нет, всё напиши.

В общем, я жду твоего ответа. Мне больше писать пока не о чем.

В. Полетаев, или просто Володя. Отвечай скорей!

* * *

Здравствуй, Алла!

Очень рад за тебя, что ты так хорошо встретила праздник 8 марта. У нас в школе тоже был вечер, тоже были игры, тоже читали стихи, ну и потанцевали немножко.

А ещё я рад, что тебе начинает помаленьку нравиться Блок. Я за последнее время успел познакомиться со стихами многих поэтов, многие из них мне очень понравились, но самым любимым всё-таки остаётся Блок.

Ты спрашиваешь, читал ли я стихи Асадова? К сожалению, да.

Асадов сейчас, пожалуй, самый популярный у нас «поэт» (слово «поэт» я беру в кавычки потому, что настоящим поэтом Асадов никогда не был). Чем объяснить эту популярность? Прежде всего тем, что стихи Асадова полностью отвечают запросам нашего мещанства, полностью отвечают запросам среднего обывателя. Именно эти обыватели и аплодируют Асадову. Все (может быть за исключением двух-трёх) стихотворения Асадова, включая и «Прямой разговор», наполнены такой пошлостью, таким ханжеством, такой обывательской моралью, что, прочитав их, хочется пойти и вымыть руки, как будто прикасался к чему-то до отвращения грязному.

Есть у асадовской популярности ещё одна причина. Причина вот такая: мало хорошей лирики.

Книги лучших современных поэтов-лириков (а их у нас не так уж мало — например, Вознесенский, Ахмадулина; Юнна Мориц и другие) издаются мизерными тиражами: 10000 экземпляров; 25000 экземпляров, в крайнем случае — 50000 экземпляров, и те книги, которые издаются, достать даже в Москве почти невозможно.

Книги поэтов-лириков начала XX века (а это был «золотой век» русской поэзии) почти не переиздаются. Большинству же наших читателей остаются пошляцкие стишки Асадова и ему подобных.

Я думаю, что асадовская популярность не будет долговечной — Асадов слишком бездарен. Но разве это что-нибудь изменит? Мещанство найдёт для себя нового шута. Алла, я посылаю тебе переписанные мной стихи Анны Ахматовой и Бориса Пастернака (книги их в Москве достать невозможно. У меня у самого есть только два очень неполных сборника, которые я достал совершенно случайно).

Это — замечательные наши поэты. Я нарочно подобрал стихи с лирическим содержанием, сравни их с асадовскими и ты сразу увидишь, где настоящая лирика и где подделка.

Ну, хватит об Асадове. Лучше о чём-нибудь другом. Кстати, Алла, помнишь, ты писала мне о сборнике «Час поэзии», который ты прочитала, я ещё просил тебя прислать мне оттуда несколько стихотворений. Так вот, я достал этот сборник и прочитал его. Оказывается, там напечатаны стихи некоторых ребят из нашей литгруппы, из той самой литгруппы, где теперь занимаюсь я.

Вот, например, Александр Кондратов, тот самый, который написал стихи о Юлиусе Фучике, о Брестской крепости, занимается у нас. Сейчас он учится в Институте международных отношений, но продолжает посещать литгруппу. Те его стихи, которые напечатаны в сборнике, — неудачные, а вообще он пишет лучше и человек он очень хороший. Он очень много знает и держится совсем просто.

Грызлов, стихи которого тоже есть в «Часе поэзии», — тоже наш, кружковский, я его тоже знаю.

Очень мне понравилось стихотворение Виктора Коркия — «Самолёт Нестерова». Коркия тоже занимался раньше в нашем кружке, а теперь поступил в институт, в кружок ходить

перестал, хотя писать продолжает. Я его не видел, но ребята из кружка говорят, что он очень талантливый парень.

И Лариса Тараканова, которая в «Часе поэзии» печаталась, тоже занималась в нашем кружке. Теперь она учится в Литературном институте, на поэтическом отделении, недавно её стихотворение было напечатано в «Юности».

Теперь у нас в кружке около двадцати человек. Большинство из них пишут стихи, хотя есть и прозаики, и драматурги. Есть и такие, которые вообще ничего не пишут, просто приходят поговорить о литературе. Многие наши ребята уже печатаются. Например, в 3-м номере «Юности» за прошлый год было напечатано стихотворение Тамары Шевелёвой. Стихотворение очень хорошее, и вообще, Тамара пишет хорошо.

Сейчас я читаю рассказы Ивана Бунина — раньше я читал только его стихи. Стихи его мне нравятся, оказалось, что проза Бунина не хуже стихов. Очень хорошие рассказы.

В школе у меня все идёт хорошо, тройки почти совсем перестали попадаться. А как у тебя дела в школе?

Ну вот, на этом я, пожалуй, кончаю.

Володя.

* * *

Алла, здравствуй!

Вот и закончилась учёба, а для меня ещё не закончилась: и по математике «хвосты», и по физкультуре «хвосты», и по химии. Хожу чуть ли не каждый день в школу, сдаю зачёты. Кроме того, прохожу практику на часовом заводе: три часа в день. Впрочем, работать у станка интересней, чем, допустим, учить математику.

На заводе мы будем работать до 25-го июня, а потом каникулы. Я ещё не знаю, куда летом поеду, наверно, на Украину, в деревню, «на лоно природы».

Свободного времени стало немного. Почти весь досуг отдаю чтению. Только что кончил читать замечательный роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Это роман был напечатан в журнале «Москва», в 11-м номере журнала за прошлый год и в 1-м номере за этот год. Если у вас этот журнал можно

достать, прочитай обязательно. Роман замечательный, ручаюсь, что он тебе понравится. А если ты его уже читала, напиши, понравился он тебе или нет и вообще какое он на тебя произвёл впечатление.

А конкурс молодых поэтов, в котором я принимал участие, закончился. Я занял третье место по Москве. По-моему, это неплохо.

А как у тебя обстоят дела с учёбой? И как ты собираешься провести лето?

Напиши, в какой институт ты собираешься (ты когда-то писала, что в институт иностранных языков, но ведь ты за это время могла и передумать). Напиши, начала ли ты к поступлению готовиться? Вообще, уже пора начинать, я, например, начал. Я собираюсь идти в МГУ на филологический факультет (отделение русского языка и литературы). Сейчас я начал изучать церковнославянский язык (это даёт мне льготу при поступлении). Скоро буду читать древние летописи в подлиннике.

А как ты готовишься?

В общем, я жду твоего письма.

Володя 5.6.1967

* * *

Алла, здравствуй!

Очень рад, что ты так хорошо отдохнула. У меня с Украиной ничего не получилось, мама заболела, папа лёг на операцию (аппендицит), и мне пришлось почти всё лето сидеть в городе. Но я не жалею. Знаешь, в Москве летом очень здорово. Бегал я по концертам, по литературным вечерам, орал до хрипоты на диспутах, много читал, писал и, в общем, был доволен. К тому же две недели я успел пробить под Москвой, на даче в Кратово. Теперь я в Москве, мама с папой уже поправились, захворал было я, но тоже не залежался. А в театрах уже открывается новый сезон, и приятели мои мало-помалу съезжаются с дач и курортов обратно в Москву. Скучать мне не приходится.

А лето между тем кончается и приближаются занятия в школе. Ну что же, ещё один год и всё. Ушами, как в прошлые годы,

я хлопать не буду. Мне нужен хороший аттестат, и он у меня будет. Я вцеплюсь в учёбу зубами. Английским, историей и русским буду заниматься сверх школьной программы. А потом институт, МГУ, филологический факультет, по окончании — работа в какой-нибудь редакции. Буду писать. Впрочем, всё это ещё в будущем, а чтобы это было, надо сегодня грызть математику, которая мне противна, и я её, проклятую, всё-таки разгрызу.

Двадцать седьмого августа мне исполнится шестнадцать лет. Получу паспорт. Через два года — буду окончательно совершеннолетним — восемнадцать.

Ты пишешь, что всё-таки хочешь идти на факультет английского языка. Что ж, хорошо, если человек бывает верен своим желаниям. Кстати, напиши, какие условия поступления в твой институт, какой проходной балл, какие экзамены. Мне придётся сдавать литературу (сочинение), русский язык (устно), историю (устно) и английский язык (устно). Проходной балл — 19, но четвёрку можно получить только по английскому, по остальным должны быть только пятёрки, иначе не примут. Конкурс — восемь человек на место. Надеяться можно на себя и только на себя.

А пока — каникулы и я ещё отдыхаю.

Насчёт нашего «асадовского» спора: прочитай в 7-м номере «Юности» статью Олега Михайлова. Собственно, это статья о любовной лирике вообще. Об Асадове там не упоминается, а упоминается о Кобзеве и Котове, которые от Асадова мало чем отличаются, но всё, что сказано там о них, можно отнести к Асадову. Прочитай и напиши, что ты об этом думаешь. Согласна ли ты с Михайловым? Я — согласен.

Недавно был большой диспут. Молодёжный. Говорили об Асадове и ему подобных. Выступал и я, друзья мои многие выступали. Много было асадовских поклонников и поклонниц. Шумели, возмущались, но доказать ничего не смогли. Стали демонстративно выходить из зала, хлопать дверями. Это — которые поумнее. А которые поумнее — начали в конце концов нас слушать. Диспут мы выиграли по всем правилам.

Вот такие вот дела. Ну, на этом я кончаю. Жду твоего ответа.

Володя.

* * *

...«Что у меня?» Да ничего особенного. Учусь. Читаю. Пишу кое-что. Хожу на лекции в МГУ. Занимаюсь английским языком с учительницей. По самоучителю занимаюсь испанским.

Пробую переводить стихи кубинского поэта Николаса Гильена. В свободное время (а его мало) шатаюсь по музеям, выставкам, диспутам. Продолжаю заниматься в литературно-творческой студии.

В школе всё идёт как обычно, то есть тройки-четвёрки, изредка разбавляемые пятёрками и двойками.

«Железные» пятёрки только по четырём предметам: по литературе, русскому языку, истории, английскому языку.

С математикой, по-моему, дело окончательно катится к чёрту.

Ах, до чего же мне хочется махнуть рукой на неё окончательно! Хорошо, что терпеть осталось только несколько месяцев. Очень рад, что тебе понравилась статья Михайлова. Ты не веришь, что всё, что в ней сказано о Котове и Кобзеве, как ни к кому подходит к Асадову? Ну что ж, почитай тогда статью Станислава Лесневского об Асадове. Она была напечатана в «Юности» не то в 1963-м, не то в 1965 г. Поищешь — найдёшь. Статья очень интересная.

Резкая, конечно, но принципиальная. Не так давно мне удалось познакомиться с Лесневским — очень интересный человек.

Ты пишешь, что Асадов лишён возможности видеть то, что его окружает. Это понятно для человека, но никак не для поэта. Понимаешь, в поэзии не может быть скидок, льгот. Здесь ко всем предъявляются одинаковые требования.

Кстати, Гомер был слеп. И Мильтон был слеп, и Бетховен был глух.

Но Гений, «искра Божья», если она есть в человеке, — сильней физического недостатка.

Пишешь ты, что Асадов «вообще мужественный и решительный человек». Скорей всего, это так.

Но — я не помню, писал я тебе об этом или нет, — недавно я познакомился с поэтом М. Львовским (ты, конечно, знаешь его песню «Глобус»). Львовский учился в Литературном институте вместе с Асадовым.

Львовский сказал — а ему я верю как самому себе, — что при всём своём мужестве Асадов не более как карьерист, умеющий использовать в корыстных целях даже своё увечье. Это ужасно, но это так, — повторяю, Львовскому я верю. Подробнее написать, почему мне всё-таки не нравится Асадов? Я уже, кажется, об этом писал, но попробую написать ещё.

Во-первых, всё, что Асадов пишет, приспособлено к нравам и вкусам среднего советского обывателя, которого поэзия интересует так же, как отдел «происшествия» в газете. Во-вторых, Асадов тянет в поэзию «проблемы» семейные, бытовые, пространные истории о разводах, алиментах и всём таком прочем. Всё это опять-таки для того же самого обывателя. В-третьих, все эти «проблемы» Асадов решает как последний ханжа. В-четвёртых, от лирики его пахнет, извиняюсь, грязным бельём. Наконец, в-пятых, Асадов не умеет как следует владеть стихами, не имеет своего мировоззрения. С точки зрения формы стихи его далеко не на высоте.

Итак, я сказал то, что думаю. Ещё думаю, что ты со мной согласишься. Ну, вот вроде бы и всё. Жду твоего ответа.

26.11.67 Володя.

* * *

Прости, что задержал ответ. Сначала болел, а потом начались неприятности в школе. Мой неуживчивый характер привёл к очередному столкновению с директором, после которого я был вынужден уйти из школы.

Теперь я в новой школе. Здесь всё пока хорошо, даже с математикой дела пошли на лад. Думаю кончить без троек.

Вторая новость. Я ушёл из литгруппы. Видишь ли, нельзя останавливаться на достигнутом. Меня в нашей литгруппе научили многому, я теперь хочу чего-то большего. Хочу более серьёзного. Думаю пойти в литературное объединение «Магистраль». Вместе со мной ушла из литгруппы Оля Буракова.

Я сейчас много работаю, много читаю. Работаю над курсным сочинением для подготовительных курсов МГУ.

Первое моё сочинение «Тема любви в русской поэзии» было там одобрено. Но ставить запятые я так и не научился.

Тема сочинения, над которым я сейчас работаю, — «Творчество Александра Блока».

Думаю несколько отступить от темы и рассказать не только о Блоке, но параллельно и об Иване Бунине. Последнее время меня всё больше привлекают стихи Бунина.

Скоро каникулы. Думаю на каникулы съездить в Суздаль. Этой зимой у меня началось сильное увлечение старыми русскими церквями, иконами, Нестеровым... Хорошо бы летом ещё раз съездить в Новгород.

А впрочем, впереди выпускные экзамены, потом экзамены в университет.

Надо работать, много работать. Очень сильно устаю. Ну, вот и всё. Отвечай поскорее. До свиданья,

Володя.

У нас уже весна, а у вас и подавно...

* * *

Последнее моё письмо к тебе было, очевидно, чересчур сумбурным. Представь себе состояние человека, которого выкинули (это самое точное слово) из школы за несколько месяцев до выпуска.

Когда я писал, что дела мои обстоят не так уж плохо, я хотел в этом убедить не только тебя, но прежде всего самого себя.

Но теперь, кажется, всё действительно пошло на лад. Я, как ты знаешь, поступил в другую школу и теперь довольно успешно её окончил. Впрочем, впереди экзамены — не говори «гоп», пока не перепрыгнешь.

Если «перепрыгну», буду поступать в Литературный институт.

До последнего времени я думал поступать на филологический факультет МГУ, но произошли события, которые во многом способствовали изменению моего намерения.

25 марта я выступал на поэтическом вечере в МГУ. Среди присутствующих был Лев Озеров, руководящий семинаром переводчиков в Литературном институте.

Стихи мои его заинтересовали.

Он пригласил меня к себе на семинар, а вскоре предложил поступить по окончании школы на переводческий факультет Литературного института.

Обычно на этот факультет поступают люди, имеющие два года производственного стажа, но для меня, по словам Озерова, будет сделано исключение.

На переводческом факультете существует несколько языковых отделений.

Я выбрал грузинское.

Буду изучать грузинский язык, а также историю грузинской культуры и собственно историю Грузии.

Всем этим я интересуюсь уже давно и возможности заниматься этим всерьёз — обрадовался.

Грузинская поэзия, как древняя, так и современная, — одна из богатейших в мире (я не преувеличиваю). Во всяком случае, русская поэзия не богаче.

Кроме того, грузинская культура — ровесница культуре греческой и римской — тоже заслуживает более долгого и серьёзного изучения, чем то, которое она имела до недавнего времени.

Работа предстоит большая и интересная.

Экзаменов в Литературном институте не будет. Будет творческий конкурс и собеседование.

Стихи и переводы на творческий конкурс я уже подал. Результаты будут известны 15 июля. Если я пройду творческий конкурс, то 1 августа я пойду на собеседование.

Для поступления нужна рекомендация. Меня рекомендует Озеров. Вторую рекомендацию мне даёт Союз писателей Грузии.

Сейчас я готовлюсь к школьным экзаменам. Они начинаются 1 июня, а кончаются 21 июня. 25 июня у нас выпускной вечер.

Напиши, как ты закончила учёбу. Как идут у тебя экзамены. Как ты готовишься к поступлению в институт.

Жду ответа. Володя.

Желаю тебе хорошо сдать экзамены и поступить в институт. Пожелай мне того же самого.

* * *

Можешь поздравить меня — удача!

Я прошёл творческий конкурс. Теперь остаётся только собеседование, но оно ничего не решает: через творческий конкурс с успехом прошли восемь человек, а вакансий тоже восемь. Думаю, что через некоторое время я тоже смогу поздравить тебя. Сделаю это с большим удовольствием.

Выпускные экзамены я сдал. Сдал вот как: по физике и по химии — тройки, по алгебре и по геометрии четвёрки, все остальные — пятёрки, думаю, что сдал неплохо.

Выпускной вечер прошёл не очень весело. Была скучная и добросовестная попойка, только и всего.

Видит Бог, я не ханжа и никогда таковым не был, но уже если пить, так надо пить весело. А у нас было очень нудно, даже почти не танцевали.

Правда, потом мы пошли на Красную площадь, а оттуда на Ленинские горы. Было три часа, но уже светало. Вот тогда было хорошо, очень хорошо... Разошлись мы в 7 часов.

Сейчас я готовлюсь к собеседованию. Много читаю по истории Грузии и по истории грузинской литературы. Собеседование будет в первых числах августа.

Спасибо тебе за все твои пожелания. Думаю — очень хочу думать — что они сбудутся. Тебе я также желаю поступить в институт.

Псылаю тебе несколько своих стихотворений. Жду от тебя самого подробного и дотошного суда. Разумеется — безжалостного. Каждое стихотворение в отдельности. Нравится или нет? Если да — почему?

Если нет — почему.

Какие стихи представляются тебе наиболее удачными? Какие кажутся тебе наименее удачными. Почему?

В большинстве этих стихотворений — Москва.

Старая Москва с её кривыми переулочками, зарастающими тупиками, мелкими золочёными головками церквей, купецкими особняками Замоскворечья, мне очень хотелось бы, чтобы она пришла к тебе и стала тебе своей, родной. Если бы её не было, я, наверно, не писал бы стихов.

Кроме того, стихи о Новгороде, старых дворянских усадьбах Подмосковья и другие. Два стихотворения имеют посвящения, посвящены они моим друзьям — Мише Лукичёву и Лене Гущиной.

Оба они мои очень хорошие друзья, особенно Миша, который, наверно, мне больше, чем друг, — мы братались с ним.

Оба они — художники, Миша, кроме того, занимается историей, а Лена пишет недурные стихи. Итак — суди.

На этом кончаю. Ещё раз — самые лучшие пожелания. Скорей отвечай, жду с нетерпением твоего приговора.

Володя. Жду ответа.

* * *

Спасибо за письмо и за все поздравления.

Как жаль, что я не могу тебя тоже поздравить с поступлением в институт.

Будем надеяться, что осенью я тебя всё-таки поздравлю.

Спасибо и за фотографию. Жалко только, что не видно, какая у тебя причёска. Я угадывал, угадывал, так и не угадал.

А мне недавно принесли мои летние фотографии в Переславле-Залесском, меня фотографировали. Кажется, самые похожие, тем более что бороду я уже сбрил. Я одну такую тебе посылаю.

Вот я на самом деле какой.

Сейчас у нас каникулы, экзамены я сдал, одна (по языкознанию) четвёрка, остальные пятёрки. Кажется, со второго семестра буду получать стипендию.

Что до учёбы, то у нас учиться довольно просто, но чересчур уж нудно.

Самое главное, никаких серьёзных знаний не остаётся, получаешь их в самом ограниченном количестве. Я думаю уже о переходе (скажем, в МГУ), но жалко отказаться от грузинского языка и всего, что с ним сопряжено. Грузинский я сейчас изучаю в институте, а кроме того, занимаюсь с учителем.

Народ у нас — я, кажется, уже писал, — добрый, — пьёт, чтобы писать, и пишет, чтобы напиться.

Всё бы ничего, да вот беда, пишет скверно, а пьёт скучно. Впрочем, наше переводческое отделение, в частности наш семинар, — приятное исключение.

Я много пишу сейчас, ещё более того перевожу. Кроме грузинских переводов работаю над переводами с украинского и белорусского.

Очень рад, что стихи мои понравились, хотя теперь мне думается, что подборка была не совсем удачной, были там и слабые стихи (а именно — три последних). Стихам этим уже год с хвостиком, я же, следуя твоей просьбе и надеясь, что была она не только проявлением вежливости, посылаю несколько новых, написанных осенью и зимой стихотворений, жду не менее подробного твоего суда.

Вернусь к каникулам.

Провожу довольно весело. В кино и театры почти не хожу — отдаю визиты друзьям-приятелям и таковые принимаю. Часто вижу Мишку Лукичёва. Он занят сейчас хлопотами о переводе с вечернего отделения на дневное. Вероятно, перейдёт.

Другой мой приятель, Юрик, бросил институт — с каким-то начальством не поладил и бросил. На следующий год будет снова поступать, разумеется, в другой институт. В настоящее время принимает наши советы и соболезнования.

В январе у нас было холодно — носа на улицу не высунешь.

Теперь потеплело. Снежит. Ухожу утром из дому, поздно возвращаюсь, — днями брожу по улицам и закоулкам, ухожу на окраину, где сохранились ещё старые запущенные кварталы. Такие районы есть и в центре города: Арбат, окружившие его переулки и переулочки, Пречистенка, Остоженка, Ленивка, а там и Замоскворечье: пузатые купецкие особняки в белых шапках, заметённые сады и скверики, словно стулья или рояли в чехлах.

И всё это в снегопаде, в падении и кружении белых светящихся точек, тающих на губах спутника или спутницы.

Здесь возникают, чтобы остаться потом на бумаге, лучшие стихи.

Но это лирическое отступление, не более. Продолжаю по существу.

Вот-вот должен выйти второй сборник «Час поэзии» — теперь он называется романтической — «Тропинка на Парнас».

Там будут стихи Оли Бураковой и других моих друзей.

Должна была там быть и моя подборка, но стихи были старые, не очень удачные, и я пошёл в издательство и добился, чтобы подборку сняли, оставили только одно стихотворение «Небо начинается с земли».

А что ещё? Всё, наверно. Друзья мои тебе кланяются. Я, разумеется, тоже. Жду ответа. Отвечай поскорей.

Володя. Вот стихи:

<...>

А Поварская — это улица такая в Москве. Старая-старая улица. Тянется от Кудринской до Арбата.

* * *

Здравствуй, Алла! Спасибо за все поздравления. Меня можно ещё раз поздравить.

Подборка моих стихов была напечатана в «Московском комсомольце» — это газета наша, московская. Всего напечатаны три стихотворения, отобранные очень любовно. Одно из них ты, кажется, знаешь, я тебе его, помнится, посылал, — «Кружится снег, стократ воспетый...».

Это первая моя публикация, которой я остался чрезвычайно доволен. Доволен потому, что начал я в газете, которую всегда любил, потому, что начал не случайным стихотворением, а подборкой, представляющей не свод разнообразных стихов, а единый цикл.

Вот и похвастался. Теперь о себе. Новостей не очень много. Учусь. Пишу. В институте занятия пять дней в неделю. Много свободного времени, а на улице-то весна! У нас она в этом году наступила совсем рано. Ночи светлые, пахнет талым снегом. Воробьи галдят на бульварах. Господи, хорошо-то как!

Да, забыл совсем, я занимаюсь теперь грузинским языком с учительницей. Живёт она на другом конце города. Два раза в неделю я к ней хожу — иду, конечно, пешком. А потом — об-

ратно, совсем уже ночью, часам к двенадцати. Всё это совершенно необыкновенно.

Ну, вот и всё. На этом кончу. К тому же барахлит проклянутая ручка.

До свидания. Жду ответа.

Володя.

заметки

* * *

Бараташвили и Орбелиани принадлежат XIX веку. Это не ограничивает прав на бессмертие — голос Бараташвили слышен в грузинской поэзии всё явственней.

Но Бараташвили — поэт-романтик.

Наверно, и Лермонтов, и Жуковский перевели бы «Мерани» правильной. Им легко бы далась естественность интонации и романтическая взволнованность. Поручкой тому их переводы одного и того же стихотворения Зейдлица: «Ночной смотр» и «Воздушный корабль».

Многое из созданного Бараташвили великолепно переведено на русский Борисом Пастернаком.

* * *

Лирика Георгия Леонидзе давно стала достоянием и любовью русского читателя. Леонидзе переводили такие видные поэты и переводчики России, как Пастернак, Тихонов, Заболоцкий. Мы знаем «Тифлиссские рассветы» в переводах Пастернака и Лившица. «Олэ» в переводе Брика. Ряд интересных переводов выполнен Евгением Евтушенко.

Николай Тихонов более, чем кто-либо, стремился передать склад грузинского слога, не сглаживая чувствительных для русского уха неровностей, не размывая густоты красок.

Леонидзе Тихонова — это прежде всего могучее движение страсти, слова крутого замеса, чувственная и образная насыщенность, порой перегруженность.

Напротив, Борис Пастернак, работая над переводами Леонидзе, постоянно обращался к «намеренной свободе, без которой нет приближения к большим вещам».

Полная раскованность слова.

Леонидзе у Тихонова пишет маслом — густыми яркими мазками.

У Пастернака — чистота и прозрачность красок, акварель.

* * *

На одном полюсе современной грузинской поэзии стоит могучее, исполненное напряжённого трагизма дарование Отара Чиладзе.

Ему противостоит, ни в коей мере его не исключая, дар поэзии брата его, Тамаза, — Поэзии Лёгкого Дыхания.

С предметами внешнего мира у Тамаза Чиладзе отношения самые приятельские. Он беседует с ними в самом непринуждённом, даже затрапезном тоне, скорей даже не беседует, а болтает.

Он чужд сосредоточенности, а напротив, весь наружу, во внешнем проявлении своего щедрого и непосредственного характера — богатства, которое так легко и отраднo раздавать. Радость его и печаль не имеют чёткой границы — они легко переливаются друг в друга. Чиладзе может смеяться в печали и плакать от радости. Это ни в коей мере не поверхностность, но склад характера.

Я видел Отара Чиладзе — у него неожиданно низкий лоб и втянутый подбородок. Голову втягивает в плечи. Похож на птицу, хищную птицу, только не на орла, скорее на грифа.

Весь сделан из одного куска — вместе с коричневым своим пальто, тёмным-тёмным платком...

* * *

Когда в литературу приходит большой поэт, рядом с ним, вслед за ним, вместе с ним пробираются люди случайные. Творчество самого поэта служило им одновременно и прикрытием и ориентиром, т.е. спиной, за которую в случае чего можно спрятаться, и объектом для копирования.

Вводить в литературу заведомую посредственность — не добродетель, а предательство. Это почти то же, что открыть проход в осаждённую крепость.

Трудно отличить близость, созвучие от эпигонства.

Для себя знаю: писать о том и только о том, что для тебя органично, чему ты сам сопричастен, и никогда не стоять в положении созерцателя. Созерцатель — турист. Он фотографируется на чужом фоне — без сопричастности нет подлинной поэзии. Заставить поверить в твою сопричастность читателя, слушателя — не даётся эпигонам.

* * *

Можно отдавать предпочтение стихам, которые должно читать глазами на бумаге, можно отдавать его стихам, которые должно слушать изустно.

Я люблю стихи, которые могу пробормотать на ходу, в такт дыханию, в такт шагу, или, остановившись, пережить у парапета набережной, люблю стихи, которые ходят со мной рука об руку.

* * *

Бывают строки, которые, мне кажется, должен был написать я:

Дрожат зигзаги листопада (Анненский);

*Я верил на слово бумаге,
облитой лампой ремесла (Пастернак);*

*По синеве тумана и бензина
бидонами молочницы звенят.
Мой переулок хрупкий и недлинный
засасывает медленно меня (Дементьев).*

* * *

Ах, Лев Николаевич, что за дело было бы мне до Катюши Масловой, если бы глаза её не были похожи на мокрую смородину?!

* * *

Почему в городе не бывает домовых? Потому что им теперь жить негде...

* * *

Перевод «Домика возле леса» — начало дороги к Галактиону Табидзе. Это «так любезно было — с его стороны — стать поэтом».

* * *

Язык изучаю — «не говорить — верней и точнее чувствовать, больше узнать».

* * *

Переводу предшествует переложение подстрочника — это уже стихи. Здесь главный соавтор создателя оригинала — автор непереложенного подстрочника. Часто авторы переложения полагают, что на этом этапе труд закончен и пришла пора гонорара, особенно если стихи белые.

* * *

«Ночь первая. Звёзды» и «Ночь вторая. Зашедшее солнце» — два коротких стихотворения Джансуга Чарквиани заста-

вили сидеть над ними долго. Я переводил их «вольным стихом». Очень трудно проверить самого себя, что до других — кое-кто не принимает формы, кое-кто не понимает формы.

* * *

Антонич широко использовал диалект? Как быть?

Для себя: никаких украинизмов. Донести самую суть, строй мысли. Очевидно, я потерял часть красок — хочется их восстановить — но как? Только не за счёт чистоты языка.

У Антонича в элегии «Перстень песни» двухчастность, похожая на Рильке. Первая часть — созерцание, вторая — осознание. Схожее в картине Рильке «О фонтанах».

* * *

У Василя Симоненко удивительна грусть. Заставляющая быть добрее, а не притупляющая боль.

* * *

Павел Тычина: «Как упал боец на снег...» Главное здесь для меня белизна и простор... «Песня под гармонь» — открытый лубок. Песню переводила Мария Комиссарова. Мне хотелось усилить ожидание смеха, который стоит за текстом оригинала и вот-вот прорвётся. Да простятся мне слова: «путь советской девки...»

* * *

Тарас Шевченко. Решиться и переводить. Уже перевожу — скоро решусь. Читаю как по-русски. Вздохлёб.

* * *

В стихотворении «Всё прошло, остался отголосок...» оставил сначала «Млином беспокойным стала я», потом понял: это ни к чему, только русские слова.

* * *

Песню Вильгельма Мюллера прочёл по-немецки. Почти уличная. Вот это «почти» хочется передать.

* * *

...До чего же хорошо, когда живёшь на Белом Свете!.. И падает снег... И тебе семнадцать лет (а расти мне, кажется, расхотелось)...

* * *

Пишется легко, не в том дело, что много, но легко, словно ведёшь разговор с кем-то и вдруг начинаешь слышать свой голос как бы со стороны.

* * *

...Вот в мае месяце идёт дождь... Мы идём дворами, улицами, снова дворами — горький запах тополя стоит в воздухе, — я вытираю руками мокрые волосы — подношу руки к лицу. И мои руки пахнут тополем...

* * *

Любимого моего Пастернака упрекают, что он «обедняет» образный строй Шекспира.

Наверно, он и сам следовал плохим советчикам, когда в «Отелло» заменил строки в последних словах Отелло.

Он умер, а они всё советуют и советуют. Всё равно пастернаковским Шекспир есть и будет. Зачем им нужно другое? Потому ли, что их собственные переводы требуют дубликатов?

* * *

...Умерла Надя Рушева...

Я знал её вскользь, мельком. Смуглое монгольское лицо, большие глаза в косых разрезах, яркое платье.

Рисунки её — от кружева, от заставок и виньеток в старых романах.

Быть может, ещё морозные узоры на стёклах, витиеватые росчерки фигуристов на зеркале катка.

Опустевшее зеркало... На него набрасывают белую простыню, а она всё сползает и сползает, открывая пустое стекло...

* * *

На Пятницкой улице есть один такой дом с каменными амурами, носы у них, правда, поотбились и крылья — тоже, но глядя они всё ещё бравы.

Я всякий раз, как прохожу, с ними здороваюсь.

И что же ты думаешь? Молчат, бездельники!

Знать не хотят!

* * *

...Видит бог, чувство юмора не только умение отпускать шутки, но и умение чужих шуток всерьёз не принимать...

* * *

«С горя» пишу прямо-таки запоем, стихи из меня сыплются, как картошка из дырявого мешка...

* * *

У поэта В. в стихотворении... предмет неподвижен, а рядом ходит автор и говорит одно и то же разными словами, да и «главное поэтическое» стихотворение заимствовано у Пастернака («обнявши, как поэт в работе, / что в жизни порознь видно двум...»). Это и есть «неглубина», которая проходит сама собой.

* * *

Люди живут в окнах. Каждое окно — цветной фонарик, вечером фонари загораются, и видно, как внутри ужинают... целуются.

Город — много окон, поставленных друг на друга.

...А жить хочется в нём легко и мудро, жить, как светится вечером окно во флигеле, забившемся в угол двора.

о поэзии перевода

О ПОЭЗИИ ПЕРЕВОДА

Ближе всего мне поэты-переводчики XIX века и Борис Пастернак, то есть их традиции. Лучшие их переводы становились русскими стихами, и это главное.

Поэту-переводчику ремесленность угрожает больше, чем просто поэту. Отсутствие глубины можно отнести за счёт автора, а бедность формы за дань сходству с оригиналом, а это — страшный соблазн.

Стихи принадлежат искусству народа и его истории, и это обязывает переводчика в какой-то мере быть этнографом.

Переводчик смотрит вначале извне, но дальше надо братья за роль поэта и действовать изнутри.

Есть ли непере译имые стихи? Нет. Есть непере译ённые. Как замок, к которому не подобрали ключа. К сожалению, все не могут переводить всё, даже из отдельных поэтов.

Но это не означает, что не надо пытаться. Неудача у переводчика, как и у всякого поэта, — дорога к удаче, по высоте вершин надо судить и о таланте и мастерстве поэта-переводчика.

У русских поэтов-переводчиков нет недостатка в учителях-предшественниках, но тем труднее учёба.

Мне она и предстоит.

Когда выносишь перевод на суд читателей, надо помнить, что ты представляешь и себя, и автора оригинала — на тебе бремя двойной тяжести...

Ещё школьником понял я, что начало трудной работы поэта-переводчика — это «прочтение» оригинала, проникновение «внутрь».

Возможно «прочтение» и по хорошему подстрочнику, и транскрипции.

Язык надо знать, хотя бы так, чтобы слышать стихи на фоне строя и фонетики языка оригинала для того, чтобы суметь найти слова и размеры для перевода в своём языке.

Представляется мне, что подлинные стихи можно переводить по многу раз, каждый раз прочитывая их по-разному. К сожалению, часто кажется, что нашёл новое «прочтение», а его нет. И становится обидно, что работа свелась к уточнению «образов» или «размера».

Почти невозможно не пытаться ещё раз переключивать, приближая к современности, строки из «Слова о полку Игореве». Так и я начал:

*Заплескали реки, закричали птицы,
зашумели травами бугры,
скалятся голодные лисицы
на цветные ханские шатры.*

*Чёрный ворон грает в поднебесье,
волчьим воем полнятся поля,
ты уже за шеломенем еси,
Русская земля...*

Столкнулся я с желанием «нового прочтения», сравнивая многочисленные, почти хрестоматийные, переводы из Эдгара По. Где-то, издали, почувствовал я звучание иронии. Вспомнил стихи Светлова:

*Во мне звучит порою
за равнодушием любовь,
как скрипка за стеною.*

Начал я «переводить», и даже не переводить, а, что ли, переделывать чужие переводы, стараясь вынести горькую, но улыбку, из-под спуда боли и безысходности. Так переписал я «Эльдорадо»...

*Весёлый рыцарь,
беспечный, как птица,
пустился в дорогу когда-то.
Повсюду одну*

искал он страну,
золотую страну — Эльдорадо.
Натерпелся он бед,
стал стар и сед,
но сколько хватало взгляда —
нигде не видна
золотая страна,
золотая страна Эльдорадо.
И он пилигриму,
идущему мимо,
вопрос удивительный задал:
«Не скажешь ли мне,
в какой стороне
золотая страна Эльдорадо?»
«Ты видишь, луна
на небе видна,
как видно, туда тебе надо.
Устанешь — ну что ж, доскачешь — найдёшь
золотую страну Эльдорадо».

А вслед за тем принялся за «Ворона»:

В час полуночный, угрюмый, неотвязной полон думой,
я над книгою склонился, сном бессонным позабылся
и очнулся, пробудился вдруг от звука одного,
будто кто-то одиноко постучался у порога,
у высокого порога, у порога моего.
Путник — только и всего...

Тихо-тихо шелестели занавеси у постели,
тихо-тихо шелестели, будто чуяли кого.
— Путник, — сердце подсказало, — постучался запозда-
лый,
это путник запоздалый у порога моего, —
это путник запоздалый у порога моего.
Путник — только и всего...

Остановился я, подумав о том, что русское «никогда», в отличие от английского «nevermore», совсем не похоже на карканье птицы.

Попытался я отыскать «новые интонации» у Уайльда:

*Каждый, кто жил на свете,
любовь убивать умел,
иные лестью, иные
словами острее стрел.
Трус убивал поцелуем,
кинжалом — тот, кто смел.*

На языке внешне близком и, главное, «понятном» легче всего не заметить «недопрочтения». Эти недопрочтения всегда превращаются в недоразумения. Они создают ложный, часто принижённый, образ не только стихов, но и автора оригинала. А если они превращаются в ремесленный перевод, они отпугивают и настоящих мастеров перевода от поэтов подлинных, но малоизвестных.

Когда переводишь с «далёкого» языка и ты прочёл подлинник, ты уже свободен, а при переводе с близких языков начинают давить «словарь», «рифмы», лезет в перевод «фонетика подлинника», придавая переводу ложные интонации.

Так, в старом переводе «Завещания» Шевченко:

*Как умру, похороните
Вы меня в могиле.*

По-украински слово «могила» означает «курган», а в переводах «Завещания» хоронят («похороните»!!) не в кургане, то есть высоко на холме, — а просто в могиле (а где же ещё?), посреди степи, а не среди степей и, значит, не над рекой, как в оригинале, — и всё следуя тексту, а не мысли, чувству...

Наверно, всё, что надо, знали, а оторваться от текста не могли. Да и перевод названия неточен.

Размер «Завещания» передаётся сходным русским, но вообще одни и те же ритмы, размеры в твёрдом нашем и мягком украинском языке не совсем эквивалентны. Часто при переводах с украинского ищут мягких звучаний: «хв», «шв», «ха» и т. д., но в украинском языке это естественное звучание, а у нас заведомое приглушение.

Так теряется точность интонации. Ясная, твёрдая по сути речь становится полушёпотом.

Я слышал, как объясняют, как передают звучание чужой речи. Но в этом ли суть поэзии перевода?

Только читая подлинники Шевченко рядом с добрым толкователем строк, понял я, что к великому этому поэту лежит трудная торная дорога русских поэтов-переводчиков.

Для себя, как ученик, переводил я строфы из Шевченко...

Иногда в переводе хочется подчеркнуть, выделить самую суть оригинала. Попытался я перевести с грузинского «Триолеты о Шайтан-базаре» Иосифа Гришавили. Это перевод-комментарий появился не потому, что переводы Николая Тихонова и Элизбара Ананиашвили — по-моему, превосходные — плохи. Мне хотелось обнажить «хребет» стихотворения (найти), показать замок арки. Так появились прямые строки, лишённые пестроты и витиеватости, и исчезли «исторические» слова — вроде «устабаш», «каламкар»...

Слышал я о духе времени в переводах. Мне представляется, что архаизм в выборе слов, как правило, не уточнение, а утяжеление. Зачем в переводе изящного Ронсара говорить: «Если мы во храм пойдём». Это «во» не переносит нас в XV век. Дух, строй — это другое дело. Почему-то старинным поэтам в переводах достаются скучные рифмы «смиренный — священный — сокровенный — блаженный». Не везёт!!

На лекции Леонида Трауберга услышал я о коммерческом кинематографе.

В нём есть, даже если он профессионально высок, только элементы большого искусства и нет того, что позволяет сказать просто: «Настоящее искусство».

Подобны коммерческому кинематографу и коммерческие переводы. Есть отличные мастера этого дела. Особенно любят они переводить с малоизвестных и труднодоступных языков. В таких переводах кочуют от одного автора подлинника к другому отработанные, то «горные», то «восточные» интонации, структуры строк и строф.

Стихи-переводы эти могут заставить улыбнуться или взгрустнуть, но не способны заставить думать или чувствовать.

Обидно, что при этом нельзя узнать, кто в этом повинен: автор ли, переводчик ли?

Поэзия перевода — творчество. Такое, которому противопоказаны рецепты вроде тех, которые бабушка даёт по телефону, о том, как делать торт.

Вот, например, советуют найти в оригинале главные образы и перенести их в перевод.

Узнал я ещё в 9-м классе, что в стихотворении Редьярда Киплинга, бытующем у нас под названием «Пыль» (в переводе Ады Оношевич-Яцыни), пыли нет и в помине. Стал я переделывать перевод, убрал я «пыль», ввёл стук «сапог» (почти как в оригинале), и стихи стали хуже. Скрасили их две удачные, по-моему, строфы...

*Не-спи — не-спи — эй, не вздумай задремать,
по-ва-лит-сон — зашагают по тебе,
стук-стук-стук — стук сапог стоит в ушах,
и отпуска мне не дают.
Пусть-зной-пусть-мор — зубы стисни и вперёд,
нет-нет-нет-сил — чтобы вытерпеть одно,
стук-стук-стук — стук сапог со всех сторон,
и отпуска мне не дают...*

В строфах этих Киплинг показался мне резче и убедительней. Заняты образами теоретики «от перевода», как дилетанты от живописи — иконами.

Даже Бориса Пастернака ухитрились они упрекнуть в «обеднении» образного ряда Шекспира. Я заметил, что иногда и самого Пастернака «тянуло» к точности воспроизведения.

Так в первой редакции «Отелло»:

*и сам
с прощальным поцелуем жизнь отдам,*

а потом, при переиздании, хуже:

*и сам умру,
пав с поцелуем к твоему одру.*

Трудно преодолеть желание быть внешне точным, даже когда знаешь, что подлинную точность перевода даёт только полная внутренняя свобода...

Дорогою свободной иди, куда тебя влечёт свободный ум.

Свободный ум ведёт, как правило, к подлинной точности или, иногда, в сторону от перевода — тогда чужая стихия входит в собственное оригинальное творчество. Так в «Евгении Онегине» в стихах Ленского зазвучали отголоски «Падения листьев» Шарля Мильвоа — но это совсем не перевод.

Перевёл я несколько белых, почти свободных стихов Тамаза и Отара Чиладзе с грузинского рифмованными ямбами.

Переводы оказались достаточно точными.

Авторы оригиналов меня похвалили, и я чувствую, что стихи «читаются».

Необыкновенная лёгкость и раскованность присутствуют в лучших переводах Пастернака и Маршака. Но в переводах первого я чаще ощущаю лёгкость пламени, в переводах второго — лёгкость конструкции. Маршаку ближе народная песня и всё, что около неё. В переводах детских стихов Киплинга Маршак взрослые интонации заменяет детскими. Это придаёт стихам особенную непосредственность.

Блистательно перевёл Б. Пастернак великого Николоза Бараташвили. Большинство стихов, да и поэма, зазвучали по-русски, «в русле русской поэзии», точно передавая суть оригинала. Исключение — «Мерани». Это другое стихотворение, а не речь всадника, обращённая к людям и коню, прямо с коня — коня, уносящегося от судьбы, а не коня-мечты.

Соревнователи в недавнем конкурсе на лучший перевод «Мерани» дальше Пастернака не пошли. Не говоря уже о том, что не далось им «прочтение», не нашли они и формы в русском языке.

Строки «Мерани» скреплены в оригинале созвучьями взволнованной гортанной речи, свойственными грузинскому языку, а не внутренними рифмами, которыми украшены некоторые конкурсные переводы, строгостью ритма и его внутренней напряжённостью, и чужды им псевдобылинные формы.

«Мерани» в чём-то близок лермонтовскому «Парусу». В отличие от лермонтовской безнадёжности здесь чёткая тема

преемственности бунта-мятежа и в конечном итоге победа. «Мерани» — конь волшебный, и летит не фигурально, а в прямом смысле слова... Строки «Где солнце зайдёт... там пусть будет моя земля родная...» — это желание видеть родину хоть во сне...

Пастернак передал собственное ощущение оригинала, он, очевидно, даже не задавался целью воссоздать его по-русски. Перевод Михаила Лозинского, внешне точный, загромождён — желание сохранить образы, эпитеты, сравнения и т. д. лишило перевод той органичной ясности, которая необходима даже стихам.

«Мерани» ждёт переводчика, которому эта работа будет по душе, по таланту и по мастерству...

Пытался я, для себя, найти размер для перевода «Мерани» — не нашёл.

Искал не потому, что наши метры не соответствуют грузинским, а потому кажется мне, что переводить размером оригинала, не задумываясь, на другой язык — всё равно что сажать пальмы в тундре...

Те же метры, но другой строй языка, другая фонетика и стихи несут другой душевный груз. Размер надо выбирать, а не повторять.

Вот начало переводов из двух Табидзе. Один следует размеру оригинала, второй нет.

*Озаряет доли
Дивный храм Никоры,
Вечный, как легенда,
Чудо — Никорцминда...
Белые грифоны,
Лик замороженный.*

*О, когда б крыла
Ты раскрыть могла,
Овладеть смогла
Ширью, Никорцминда...*

(Галактион Табидзе)

*Наше солнце в смертельном жару,
Обжигая холодные плиты,
Догорит и умрёт ввечеру
Над могилой моей позабытой...*

(Тициан Табидзе)

Даже для стихов, написанных одним размером на одном языке, может не оказаться общего размера в языке перевода. Поэтому, когда спорят, дольником ли, хореем ли переводить Шевченко, мне кажется, что это возвращение в XVIII век, где регламентированы размеры для трагедии, драмы, комедии — только всё уже, мельче... Среди вершин русского стихотворного перевода — «Песнь о Гайавате» моего любимого Бунина. Здесь передано всё, вплоть до запаха, — и даже индейские слова к месту — и всё великолепные русские стихи. Ещё чуть-чуть, и такими же стали бы переводы Заболоцкого из Важи Пшавелы, но это на такой высоте, где воздух редок и трудно дышать, когда догоняешь...

Детство моё было украшено отличным переложением «Песни о Роланде», сделанном Сергеем Бобровым.

Хочется мне сказать ему спасибо. Встретил, а подойти не получилось.

переводы

Из Михаила КВЛИВИДЗЕ

(перевод с грузинского)

* * *

Трудяга дятел, дерево долбя,
Трудом загубит самого себя.
Гуляка жаворонок, в свой черёд,
Весёлым свистом сердце разорвёт.

А я в предгорьях Картли, на ветру,
Не знаю, где свалюсь и как умру.

Хвороб не замечая и обид,
Трудяга дятел дерево долбит.
Работает, не разгибая плеч.
Одна забота — дерево сберечь.

А жаворонок в голубой пролом
Вворачивается веретеном.
Одна у жаворонка благодать —
Случайной трелью слух околдовать.

А я, всем страхам уплативший дань,
Отчаянья переступаю грань,
Карандашом царапаю тетрадь...
Как птицам жить? Как птицам умирать?

Из Раисы **БОРОВИКОВОЙ**

(перевод с белорусского)

* * *

Ещё земляника не поспела — белая.
А я, что ни утро, по землянику бегаю.
Бегаю, сама над собой хихикаю —
Везёт человеку на землянику!

Глядит соседка, диву дивится:
«И что это выдумывает, баловница?
Ещё земляника не поспела — белая,
А она, что ни утро, по землянику бегаёт!»

А у меня корзинка пустым-пустая,
А у меня, что льдинки, глаза растаяли,
А у меня на груди две землянички —
Сладок поцелуй у холодной кринички.
Ещё земляника не поспела — белая,
А я, что ни утро, по землянику бегаю.

НЕБО — ЗЕЛЁНОЕ МОРЕ

Над зелёным, зелёным лесом —
Дерева с полонезом не спорят,
Дерева всегда с полонезом...

Высокой травой
Плавают, плавают
По клавишам пальцы лукавые.
Где Вы, Огинский, где Вы?
Отзовитесь, голос подайте!
Водяницы в старых мельницах
Хоровод повели — играйте!

Чтобы сердца тяжелели.
Чтобы плакали птицы, —
Играйте!

— Где Вы, графиня, где Вы?
Поцелуй остался за Вами.

* * *

Я танцую на шаре —
Небосвод обхватила.
Далеко за плечами
Облака да светила.
Никому я не в тягость,
Никому не мешаю, —
Скоро с вами расстанусь,
Я танцую на шаре.
Он большой и зелёный —
Интересно потрогать.
Руку в горные склоны
Опускаю по локоть.
Только крыши да башни,
Дерева над снегами,
Только чёрные пашни
У меня под ногами.

И плыву я безбрежной
Синевой небывалой —
Это шар меня держит,
Чтобы я не упала.
Столько светлого света —
Что за дивное диво —
Под ногами планета.

* * *

Проезжаю Дмитровский проезд,
Вечер. Обезлюдели аллеи,
Зажелтели листья, заалели,
Разлетелись, ветхие, окрест.
Говорят, что не бывает горше, —
Ночи одинокие долги, —
До сих пор в моей далёкой Орше
По воде расходятся круги.
Ах, доколе, господи, доколе
Маяться неведомо о ком, —
Улица дождём меня уколет,
По щеке погладит ветерком.
Осень, осень. Долго-долго кружит
Звёздочка — никак не упадёт.
Дмитровский проезд сегодня груши,
Золотые груши продаёт,
Сердце стягивает, губы сушит,
Песню вересковую поёт.

* * *

Чёрная земля на сердце ляжет —
Хорошо на сердце на моём, —
Вечером сосед соседу скажет:
«Долго жить велела — поживём...»

Я не знаю. Я за стол не сяду.
Я гостей в лицо не узнаю.
Горькую зелёную рассаду
На могилу принесут мою.

Для чего? Уж лучше серый камень.
Без цветов я на земле жила.
Облака проходят косяками
Да гудит мохнатая пчела.

Вот и всё. Свободы и покоя
Ты хотела — вот он, твой покой,
Вот она, счастливая подкова,
Так и не отысканная мной.

* * *

Снег идёт во все углы,
Хлопают бахилы,
Прибрала зима столы,
Печи затопила.

Всё у нас белым-бело,
Так у нас ведётся.
Всё вернётся, что прошло,
Всё моё вернётся.

Кнутовищем по коню —
Бубенцы у дышла —
Похвалялся: догоню, —
Ничего не вышло.

Ты, метелица, крути,
Ты гуди, ветрище,
Доберешься до Друти
И село отыщешь.

Снег идёт во все углы,
Завируха веет.
Накрывайте на столы,
Отворяйте двери.

Из Райнера Марии РИЛЬКЕ

(перевод с немецкого)

*Даруй плодам медлительные дни
Усталой страсти, сладости усталой.
Потом под своды винного подвала
Усталую их сладость возгони.*

Р. М. Рильке

ВЕЧЕР В СКОНЕ

Парк высоко. И словно бы из дома
Я выхожу, дорогу узнаю
В просторный вечер, в распростёртый ветер.
Вдоль облака иду и водоёма,
И мельницы, плывущей на краю
Небес, среди которых я сегодня
Не более как вещь в руке господней, —
Быть может, наименьшая.

Взгляни —
Всё это разве небеса одни?
В разливах зыбких белизны и черни
Блаженная всплывает синева,
А поверху, приметное едва,
Почти неразличимое свеченье
Огня закатного,
Чудесный строй,
Что держится и движется, собой
Творящий в непонятном распорядке
Фигуры странные, крыла и складки,
И, наконец, врата, в такой дали,
Какую птицы знать одни могли.

* * *

Паденье — словно позднее прощанье
Садов небесных с мёртвою листвою,
Жест отрицанья, грустное молчанье, —
Пустеет звёздный купол надо мной,
И падает в сиротство шар земной...

Везде паденье. Легче лепестка
Паденья лёгкое прикосновение.
Но есть Единый — каждое паденье
Приемлет бережно его рука.

ОДИНОЧЕСТВО

Одиночество — как дождь.
Оно идёт от моря вечерами,
Оно до горных тянется подошв
И медленно всплывает над горами
До неба, им чреватого всегда,
И с неба падает на города.

Оно приходит затемно, когда
Навстречу свету переулки льются,
Когда друг другу чуждые тела
Устало друг от друга отвернутся
И замолчат — одна постель света...
И водостоки тёмные проснутся.

Из Тамаза ЧИЛАДЗЕ

(перевод с грузинского)

ВЕТЕР

А ветер со мной не спорит,
А ветер гудит невнятно,
От мысли уходит к морю,
От моря к мысли обратно.
Но я поймал его крылья,
Пустившись за ним в погоню,
И крылья его в бессильи
Забилась в моих ладонях.
Все это длилось минуту —
Одну минуту — не доле,
И ветер, рванувшись круто,
Уходит снова на волю.

* * *

Вчера мой голос городом бродил,
Оплаканный дождями проливными,
Твоё наидождливейшее имя
На мостовых и стенах выводил.

Я сорвался с распятыя своего
И, непомерной гордости в угоду,
Освобожденье принял за свободу,
Сиротство за высокое родство.

Я ринулся, играя и шутя,
В распахнутую пустоту пространства, —
Я заблудился в ней, я заплутался,
Я потерялся, малое дитя.

Вчера мой голос городом бродил,
Оплаканный дождями проливными,
Твоё наидождливейшее имя
На мостовых и стенах выводил.

Из Отара ЧИЛАДЗЕ

(перевод с грузинского)

ОЖИДАНИЕ

К вечеру окна мои опустели,
Канули трубы и провода, —
Встал телефон у холодной постели
Маленькой глыбой чёрного льда.

Но ожидание потеряло
Тайную память, тайную связь.
Я различаю мало-помалу —
Стены беседуют, не торопясь.

Знаю, что жизнь повторений не терпит,
Не поворачивает колеи, —
Вольная страсть, обречённая смерти,
Пылью осядет на плечи мои.

Знаю, что время подумать о деле, —
Может быть, легче, судьбы не вина,
Слушать, как тихо живёт в моём теле
То, что останется после меня.

Из Джансуга ЧАРКВИАНИ

(перевод с грузинского)

НОЧЬ 1.

ЗВЁЗДЫ

Небо —
Яблоня в спелых плодах —
Надо мной наклонилось, бледнея.
Жизни томленье
Становится жизнью самой.
О, как ты щедра, —
Яблонью в небо восходит
Светлое тело твоё.
Два плода на груди,
Две звезды.

НОЧЬ 2.

О ЗАШЕДШЕМ СОЛНЦЕ

Размётаны тени.
Земля закрывает глаза.
Белый паук плетёт жёлтую паутину
Неторопливо.
Что же нам делать?
Жить без тебя
Мы уже научились.
Белый паук плетёт жёлтую паутину
Неторопливо.

Из Николаса ГИЛЬЕНА

(перевод с испанского)

БАЛЛАДА О ДВУХ ПРЕДКАХ

Ходят за мной повсюду
тени двух моих предков.
Копьё с наконечником из кости,
барабан из дерева и кожи —
мой чёрный предок.

Африка, влажные туманы,
глухие удары гонга...
— Я умираю! —
промолвил мой чёрный предок.

Заросли без конца и без края,
кайманы в клокочущих реках...
— Я устал! —
промолвил мой белый предок.

О, паруса, как горек ваш ветер!
О, сожжённая золотом галера!
— Я умираю! —
промолвил мой чёрный предок.

О, первозданный берег,
обманутый ярким блеском!
— Я устал! —
промолвил мой белый предок.

О, горячее чистое солнце,
разъярённого тропика пленник.
О, луна, застывшая в печали
Над гомоном обезьяньим.

Сколько бригов, сколько бригов,
сколько негров, сколько негров!
Как тростник колышется под ветром!
Как хозяйский бич обжигает!

Каменные кровь и слёзы,
приоткрытые глаза и вены,
и холод бесплодных рассветов,
и тяжёлый сумрак плантаций,
и голос, могучий голос,
разрывающий ночь молчанья.
Сколько бригов, сколько бригов,
сколько негров!

Ходят за мной повсюду
тени двух моих предков.

Зовёт меня дон Федерико,
и упрямо молчит Факундо.
И оба этой ночью грезят
и идут куда-то.

Я сближаю их:

— Федерико!

— Факундо! —

идут обнявшись,

вдыхают, в самое небо
упираются головами.

Они ростом друг другу вровень.
Под высоким, под звёздным небом

они ростом друг другу вровень.
Чёрная тоска, рядом с белой —
они ростом друг другу вровень.

Идут с криком, с рыданьем, с песней,
с песней... с песней... с песней...

Из Виталия КОРОТИЧА

(перевод с украинского)

* * *

Когда казнили Яна Гуса,
когда разнёсся звон вдали,
когда служители Иисуса
горячий пепел разгребли,

на площадь опустились птицы,
вздувая чёрные зобы,
народ разбрёлся: кто молиться,
а кто — оплакать и забыть.

А кто-то около ограды,
от тех и этих в стороне
хихикнул: «Так ему и надо», —
и тихо прошептал: «Не мне!».

Из Арчила СУЛАКАУРИ

(перевод с грузинского)

* * *

Господом брошена и позабыта,
Церковь белела на тёмном холме,
Медленно переставляя копыта,
Белая лошадь брела в полутьме.
Медленно-медленно переступала,
Медленно обрывала быльё,
На спину высохшую оседало
Угльной осыпью вороньё.

Знал я немало и видел немало,
Всё забывается — годы не те,
Только никак отвязаться не может
Белая церковь и белая лошадь,
Хрипнувшее вороньё на хребте.

Из Моеи КАХИДЗЕ

(перевод с грузинского)

* * *

Ты, ворона-горемыка,
Триста лет проковыляла,
Ты, угрюмая каркунья,
Под корявым покрывалом
Триста лет горюешь втуне.

А не лучше ли, ворона,
Было бабочкой трёхдневной
Просиять во время оно
Яркого цветка невестой,
Маленькой лесной царевной?

Ах, ворона ты, ворона...

* * *

Я — забытая твердыня —
Ты сломил мою охрану —
Ты накрыл меня ладонью —
Станешь ливнем ты отныне —
Я травой покорной стану.
Говорю тебе — не надо
Опускаться на колени, —
Ты ударь меня любовью,
Как охотник из засады
На Гомборах бьёт оленя.

СНОВА В КАХЕТИИ

Без тебя на целом свете
Я приюта не найду.
Вот опять навстречу Мцхете
Вдоль дороги я иду.

Я у солнечной корзины
Прохожу на самом дне,
Еле внемля стрекозиной
Полупьяной болтовне.

Ближе к дому, ближе к дому,
Ближе к чану во дворе
То ли шляпа из соломы,
То ли солнце на горе.

Я иду неторопливо,
Как мужичке надлежит,
Небо спелого налива
На плечах моих лежит.

Я к луне — баклаге медной —
Губы издали тяну.
Думаете, это вредно —
Выпить полную луну?

Спят Гомборы. Лёгкий ветер
Гладит головы лесов.
Я люблю тебя, Кахети,
Щедрый край моих отцов.

Из Шота НИШНИАНИДЗЕ

(перевод с грузинского)

* * *

Весна в Тбилиси, жаркая весна.
Вовсю кричат на улицах торговцы:
«Купите землю!
 землю для цветов...».

Весна...
 кровавый дождь в тбилисском небе
— купите землю...
Продана земля...
Не стоит вспоминать их имена...
Никто не смог взломать ворота в город...
Но открывались те ворота сами.
Купите землю!
О, как торопились
набить трухой карманы и потом
искать себе могилу на чужбине...

А Грузии цена росла, росла...
О, чёрная грузинская земля —
Марабдская земля, земля Крцинаси,
сожжённая жарой земля Тамары,
земля, в которой кровь и кости предков.

Так что ж вы эту землю продаёте?
Забыли разве вы, что наши деды

носили эту землю возле сердца —
чтоб сердце было чистым, как земля,
чтоб сердце было добрым, как земля,
чтоб сердце было твёрдым, как земля,
земля родная Картли. А торговцы
кричат,

кричат с утра: «Купите землю!».
И я кричу: «Не продавайте землю,
не продавайте землю для цветов!»...

Из Ивана ПЕЙЧЕВА

(перевод с болгарского)

ОШИБКА

О гибком золоте твоих волос
Хотел я написать и о сирени...
Но струй дождя, размеренное пенье
Внезапно за окном оборвалось.

И сбросили одежды небеса
На старый сад, на ветхую ограду,
На влажные квадраты винограда,
Стыдливо опустившего глаза.

Всё смолкло...
А на липе вспыхнул спор.
Листва, шурша, старалась капли сбросить.
Их шумное разноголосье
Заполнило травой заросший двор.

И вдруг глубоко-синей тишиной
Окутало окрестные предметы
И скрыло купол неба пеленой,
Почти непроницаемой для света...

Не смейся надо мной!
Перо поэта
Увы, не в склянку, полную чернил,
Я в сумерки случайно погрузил.

Из Юлиана ТУВИМА

(перевод с польского)

ПИСЬМО

Снег бесшумно ступает.
Видишь, мерцает след...
Душу твою согревает
Белого снега плед.

Медленно рассветая,
Дышит морозом даль.
Нежной слезой сверкая,
Вспыхивает печаль...

Ты сыграй, чаровница,
Вальс, что грустным зовут...

А я дописал страницу
Письма, что нигде не ждут.

Из Богдана-Игоря АНТОНИЧА

(перевод с украинского)

* * *

Дымится и хмелеет воздух
В черёмуховой белой мгле.
И буквы светятся, что звёзды,
В раскрытой книге на столе.
А я листьями обрастаю...
Куда ни глянь — листва, листва.
Спешу... Черёмухи листаю,
Ищу заветные слова...

Авторы оригиналов:

Михаил Квливидзе родился в 1925 году. Смерть матери, арест в Тбилиси отца как «врага народа», гибель брата на войне, отсутствие крова вынудили его в начале 1950-х годов покинуть Грузию. Более 30 лет прожил в Москве. Там работал в Союзе писателей СССР, печатался в столичных журналах и издательствах, его переводили многие русские поэты того времени. Его стихи легли в основу популярной песни композитора Нуно Дугашвили «Грузинская земля».

Раиса Боровикова родилась в 1947 году в деревне Пешки Берёзовского района Брестской области. Окончила Литературный институт имени А.М. Горького. Работала редактором на киностудии «Беларусьфильм», затем — в газетах и журналах («Літаратура і мастацтва», «Чырвоная змена», «Алеся»), главным редактором литературного журнала «Маладосць» (2002–2011). Переводила произведения с русского, украинского, польского языков. Лауреат Государственной премии Беларуси в области литературы (1993).

Райнер Мария Рильке — один из самых влиятельных поэтов-модернистов XX века. Родился в 1875 году в Праге. Имел австрийское гражданство, писал по-немецки. Учился в университете, сначала на философском, потом на юридическом факультете. Публиковаться начал с 16 лет, первый сборник вышел подражательным, зато вторая книга «Жертвы ларам», задуманная как поэтическое прощание с Прагой, раскрыла импрессионистский талант Рильке. Дважды путешествовал по России, дружил с Пастернаками, много лет переписывался с Мариной Цветаевой, переводил русскую литературу, написал несколько стихов на русском языке. Умер в Швейцарии в 1926 году.

Тамаз Чиладзе родился в 1931 году в городе Сигнахи. Прозаик, драматург, публицист, лингвист, философ, историк. Окончил филологический факультет Тбилисского университета. Печатался с 1951 года. Стихи перевели на русский язык Белла Ахмадулина, Евгений Евтушенко, Юнна Мориц, Станислав Куняев и др. Лауреат премии им. Шота Руставели. Умер в 2018 году.

Отар Чиладзе родился в 1933 году в Сигнахи (Грузия). Прозаик, поэт, драматург. Окончил факультет филологии (специальность — журналистика) в Тбилисском государственном университете. Преподавал в Тбилисском театральном институте. Работал в журнале «Цискари», был главным редактором журнала «Мнатоби». В 1998 году был номинирован на Нобелевскую премию по литературе. Лауреат Государственной премии Грузинской ССР им. Шота Руставели (1983), премии им. Ильи Чавчавадзе (1997), почётный гражданин города Тбилиси, кавалер Ордена Чести (1997). Умер в 2009 году в Тбилиси. Похоронен в Пантеоне Мтацминда.

Джансуг Чарквиани родился в 1931 году. Прозаик, сценарист. Окончил Тбилисский государственный университет им. И. Джавахишвили. Первую книгу «Тишина одной ночи» опубликовал в 1959 году. На одно из самых известных стихотворений Чарквиани «Гимн свободе» была написана музыка, и композиция стала своего рода символом новой Грузии после распада СССР. В 1996 году был удостоен ордена Чести, в 1997-м — звания почётного жителя Тбилиси. Умер в 2017 году.

Николас Гильен родился в 1902 году в городе Камагуэй (Куба). Общественный деятель, член коммунистической партии Кубы. Писал политическую лирику, несколько раз подвергался арестам. Жил в эмиграции, бывал в СССР и других социалистических странах. После победы революции вернулся на родину и был избран председателем Союза писателей и художников. Умер в 1989 году в Гаване.

Виталий Коротич родился в 1936 году в Киеве. Окончил Киевский медицинский институт. В годы перестройки — глав-

ный редактор журнала «Огонёк». В 1991–1998 годах — профессор Бостонского университета. Член Академии искусства и литературы США. Лауреат Государственной премии СССР.

Арчил Сулакаури родился в 1927 году в Тифлисе (ныне Тбилиси, Грузия). Окончил филологический факультет Тбилисского университета. Печатался с 1945 года. Писал новеллы. Автор сказки для детей «Приключения Саламуры», за которую в 1971 году получил премию им. Шота Руставели. Книги переведены на многие языки, некоторые экранизированы и инсценированы. Умер в 1997 году.

Медея Кахидзе родилась в 1930 году в селе Ахалсопели Кварельского района (Кахетия). Училась на юридическом факультете Тбилисского университета. Писала стихи для детей, занималась переводами. В 1970 году занимала должность председателя бюро пропаганды в Союзе писателей Грузии. Стихи переведены на русский, азербайджанский, армянский, румынский и другие языки. Русским читателям известна в основном благодаря переводам Булата Окуджавы. Умерла в 2015 году.

Шота Нишнианидзе родился в 1929 году в Тифлисе (ныне Тбилиси, Грузия). Окончил филологический факультет Тбилисского университета. Работал в редакции издательства «Мерани», затем был консультантом Союза писателей Грузии, редактором альманаха «Сокровище», секретарём Союза писателей Грузии, председателем Союза писателей Грузии. В последние годы жизни работал в редакциях литературных журналов. Умер в 1999 году в Тбилиси. Именем Нишнианидзе названа улица в Тбилиси. Лауреат Государственной премии Грузинской ССР им. Шота Руставели.

Иван Пейчев родился в 1916 году в городе Шумен (Болгария). В 1958 году дебютировал как драматург. Работал в сатирическом театре в Софии. Заслуженный деятель культуры. Умер в 1976 году. В 2004 году была учреждена Национальная премия «Иван Пейчев». В Шуменском университете в 2005 году организована Национальная научная конференция «Иван Пейчев — аспекты присутствия в болгарской лите-

ратуре». В 2016 году вышел фильм «Поэт Иван Пейчев. Невероятный гладиатор» режиссёра Александра Донева.

Юлиан Тувим родился в 1894 году в Лодзи (Царство Польское). Изучал юриспруденцию и философию в Варшавском университете. На Тувима сильно повлияла поэзия Уолта Уитмена и Артюра Рембо. Перевёл на польский язык многое из русской классической литературы («Слово о полку Игореве», произведения Грибоедова, Пушкина, Маяковского, Пастернака). Сборник избранных пушкинских стихов в переводах Тувима («Лютня Пушкина») получил высокую оценку Владислава Ходасевича. Среди переводчиков Тувима на русский язык — Давид Самойлов, Сергей Михалков, Леонид Мартынов и др. Умер в 1953 году в Закопане (Польша).

Богдан-Игорь Антонич родился в 1909 году в селе Новица (Австро-Венгрия). Учился во Львовском университете им. Яна Казимира на философском факультете (специальность — польская филология). Писал рецензии, публиковал сатирические фельетоны и пародии. Много выступал как критик и теоретик литературы, переводил Рильке. Умер в 1937 году во Львове. После его смерти и вхождения Западной Украины в СССР Антонич как аполитичный поэт-мистик был запрещён, интерес к нему возник лишь в 1960-е годы в эмиграции, а затем в СССР. Стихи переведены на многие языки.

моя высокая работа

* * *

...а жизнь моя была проста
во власти чистого листа,
во власти благостной, во власти
нетерпеливого пера,
в неумолкающем соблазне,
а жизнь моя была щедра.

Зима ворота открывала
замороженного двора,
укутанного в одеяло
до потолка полуподвала,
и абажура кожура,
оранжевая, проплывала,
и удивлённая строка
дрожала в пальцах чудака,
и ускользала за ограду
захоладалая щека,
прижавшаяся к снегопаду,
а жизнь моя была легка...

В КИНО

Распяленное полотно
мигало в тесном кинозале.
Расшитой осени рядно
цвело и тлело. Умирили
драгуны под Бородино.

Цветные расплывались пятна...

И смерть сама была нарядна,
так просто было на скаку
ронять летящие поводья...

Пусть Муза больше не приходит,
когда хоть раз я так солгу.

ГУРАМ РЧЕУЛИШВИЛИ¹

Где селенья ютятся у скал,
Где гремят камнепады утрами,
Безутешное эхо разносит окрестным горам:
«Где ты, мальчик, Гурами,
Где ты, юноша смелый Гурами?
Где охотник умелый, волшебный рассказчик Гурам?»

Там, где волны выходят на берег пологий,
Серой галькой стучат, словно мелкой монетой в горсти,
Я у моря спросил:
«Где Гурами, пловец одинокий?
Где Гурами, что в бурю пытался кого-то спасти?».
И ответило море:
«Было в Грузии много Гурами:
Тот — в Орпири до смерти зловонные топи сушил,
Тот — навеки уснул на весёлой пирушке с друзьями,
Тот — в жестоком сраженьи холодные веки смежил.

Изо всех над одним я тяжёлые своды сомкнуло,
Звонкий голос его поглотил беспокойный прибой.
Ты к воде подойди и прислушайся к мерному гулу —
И дыханье Гурами почувствуешь перед собой.

¹ Гурам Рчеулишвили (1934–1960) — прозаик, поэт. 23 августа 1960 года трагически погиб в городе Гагры, когда поплыл спасать незнакомую ему русскую девочку, тонущую в море. Первый сборник «Саламура» вышел в 1961 году, уже после его смерти.

Кружит нанятых плакальщиц-чаек крикливая стая.
Приглядись, ты увидишь, где смелый Гурами плывёт.
Только мне не мешай. Я далёкие слёзы считаю.
Я мелею, а это единственный верный доход...»

Грустен вымысел мой. Не ищи в нём спасенья от горя.
От рассказа Гурами я глаз оторвать не могу:
В том рассказе хевсуры пьют пиво, горланят и спорят
В тёмной башне у скал, что стоит по колено в снегу.

* * *

...Оно написано лиловым,
оно ещё не стало словом,
случайный выдох или вдох,
прозреньем поднятый врасплох.
Оно возникло как разгадка
того, о чём давным-давно
шептала детская кроватка
и лампы жёлтое пятно.
А как потом бывает сладко,
когда лукавая тетрадка
смежит лукавые глаза,
когда погаснут голоса
божественного беспорядка!

МЦХЕТСКАЯ БАЛЛАДА

Храм в обрамлении неба и гор
Словно ребёнок в своей колыбели:
Свети — Цховели.

Царь и советник вели разговор
В Свети — Цховели.
Царь говорил: «Перед новой святыней
Я умилённый сегодня стою.
Храм этот вызовет в каждом грузине
Гордость в душе за столицу свою.
Но я желаю, чтоб в землях соседних
Равного нашему чуду не быть.
Тихо царю подсказал собеседник:
«Зодчему — правую кисть отрубить».

Годы прошли с той поры. Потускнели
Царские очи. Советник стал хвор.
В темном притворе Свети — Цховели
Снова заводят они разговор.
Царь говорил: «Я узнал: на чужбине
Нашему храму воздвигнут собрат.
Та же суровая сдержанность линий.
Стройный шатёр завершает фасад.
Каждая кладка — знакомая фраза,
В каждой — Иверии нашей душа.
Разве палач не дослушал приказа?
Или тот мастер был просто левша?»
«Нет, — отвечает советник, — простого

Знания нам не было прежде дано,
Что воздвигаются храмы по слову,
Если исходит от сердца оно...
Торной дорогой, лишённый десницы,
Мастер пошёл, провиденьем храним.
Как в раскрываемой книге страницы,
Новые храмы вставали за ним...
Каждый величие Грузии славил,
Мудрость властителей и мастерство.
Нашу ошибку Всевышний исправил.
Мы же молитвой восславим Его».

Свети — Цховели, о, Свети — Цховели,
Храм, подпирающий синеву,
Не на эстампе и не в акварели,
Скоро ль увижу тебя наяву.

* * *

Когда ряды неровных строчек
Поскачут, быстрые на диво,
Не обольщайся, переводчик,
Переводи неторопливо...

На немоту не будь в обиде,
Не забывая, что когда-то
Поэт хотел в тебе увидеть
Не переписчика, а брата.

Не буквы надобны, а надо,
Чтобы за буквами стояла,
Неведомая верхогляду,
Прямая суть оригинала.

И овладев теченьем речи,
Не допуская произвола,
Попробуй, натяни на плечи
Рубаху мёртвого Паоло...

Иные морщатся: куда нам!
Но я на размышленья эти
Одним подвигнут Тицианом
И только перед ним в ответе.

* * *

Судите пристально и строго
без лести каждую строку,
но не твердите, ради бога,
что должен я и что могу.

Мне суд друзей не осужденье,
но пусть не путают слепцы
строфы свободное рожденье
и акушерские щипцы...

* * *

Холодное небытие,
минутной славы позолота,
и ты, бессмертие моё,
моя высокая работа.

Опять тетрадь в моих руках
бела, как смертная рубаха,
я прахом был, я кану в прах,
я встану Фениксом из праха.

Составители выражают искреннюю благодарность Ремме Арштейн, хранительнице архива Владимира Полетаева, и Владимиру Орлову, издателю, книговеду, за всестороннюю текстологическую помощь при подготовке книги, а также спонсорам книги — Розе Абушкиной, Ольге Андреевой, Владимиру Антропову, Николаю Архангельскому, Олегу Бабинову, Юлии Великановой, Галине Волосовой, Александре Герасимовой, Лоле Дадахановой, Елене Дворкиной, Наталии Дворкиной, Борису Дворкину, Наде Деланд, Марине Драпкиной, Светлане Драхлер, Андрею Исхакову, Ольге Кашкаровой, Александру Косачёву, Марии Кудрявцевой, Александру Лифшицу, Антону Морозову, Марлене Мош, Римме Немировской, Валерию Отяковскому, Ольге Педоренко, Дмитрию Райкову, Елизавете Румянцевой, Екатерине Саховской, Татьяне Сергеенко, Елене Симкиной, Антону Сухенко, Светлане Тахтаровой, Татьяне Урбанович, Виктору Черненко, Елене Шепотинник, Александру Якутскому.

СОДЕРЖАНИЕ:

<i>Ольга Балла. Заворожённый знанием</i>	<i>5</i>
<i>В городе одном. Стихотворения</i>	<i>15</i>
<i>Григорий Гершензон. Поэзия в его жизни</i>	<i>35</i>
<i>Прозрачный циферблат. Стихотворения</i>	<i>47</i>
<i>Письма Алле (переписка Владимира Полетаева с Аллой Каюмовой)</i>	<i>57</i>
<i>Владимир Полетаев. Заметки</i>	<i>85</i>
<i>Владимир Полетаев. О поэзии перевода</i>	<i>95</i>
<i>Переводы</i>	<i>105</i>
<i>Моя высокая работа. Стихотворения</i>	<i>137</i>

Литературно-художественное издание

Книжная серия

Поэты литературных чтений «Они ушли. Они остались»

Владимир Полетаев

ПРОЗРАЧНЫЙ ЦИФЕРБЛАТ

стихотворения

Технический редактор *Владимир Коркунов*

Литературные редакторы и составители

Борис Кутенков, Николай Милешкин, Елена Семёнова

Бумага офсетная
Гарнитура FavoritBookC
Тираж 500 экз.
Подписано в печать 10.09.2019

«ЛитГОСТ»
vk-84@mail.ru

Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл.,
г. Старый Оскол,
Комсомольский пр-т, 73
kvadrat1998@gmail.com